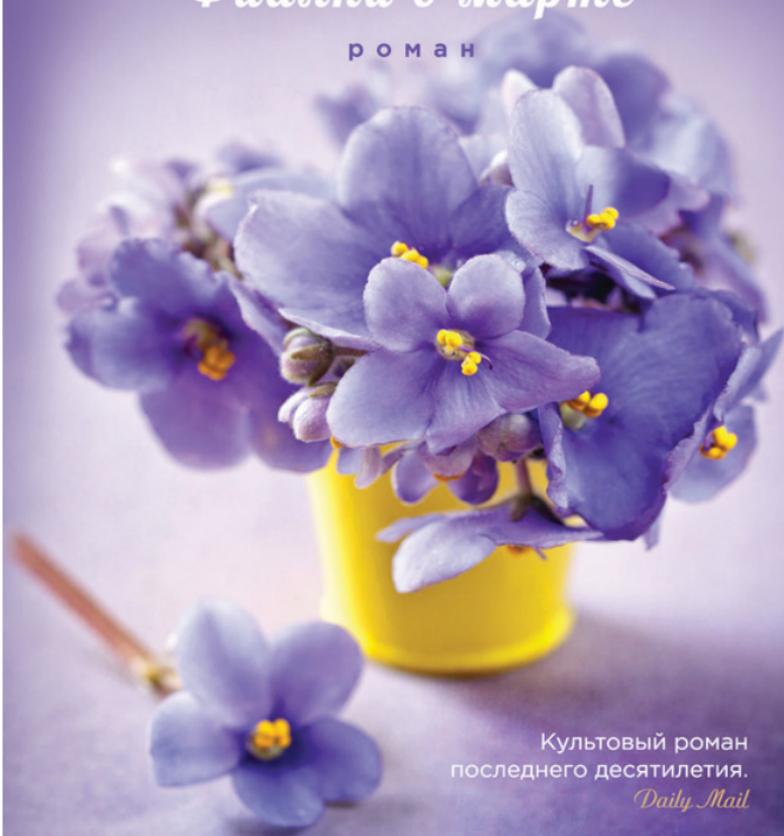

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

САРА ДЖИО

❧
Фиалки в марте

р о м а н

Культурный роман
последнего десятилетия.

Daily Mail

Сара Джо
Фиалки в марте
Серия «Зарубежный
романтический бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8891348

Джо, Сара. Фиалки в марте : роман : Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-76395-5

Аннотация

В жизни Эмили Уилсон, некогда самой удачливой девушки Нью-Йорка, наступает темная полоса. Творческий кризис, прохладные отношения с родными, а затем и измена мужа вынуждают Эмили уехать из мегаполиса и отправиться на остров Бейнбридж к своей двоюродной бабушке Би, в дом, рядом с которым растут дикие фиалки, а океан пенится прямо у крыльца. На острове Эмили знакомится с харизматичным Джеком, который рассказывает ей забавную историю о том, как ему не разрешали в детстве подходить слишком близко к ее дому. Но, кажется, Би не слишком довольна их знакомством... Эмили не получает от нее никаких объяснений, но вскоре находит датированный 1943 годом дневник некой Эстер Джонсон, чьи записи проливают свет на странное поведение местных жителей

и меняют взгляд Эмили на остров, который она обожала с самого детства.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	39
Глава 4	53
Глава 5	77
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Сара Джо

Фиалки в марте

Моим бабушкам, Антуанетте Митчелл и покойной Сесилии Фэйрчайлд, которые воспитали во мне любовь к искусству и писательскому ремеслу, а также интерес к сороковым годам двадцатого века.

*Растопит снега сила мартовских вод,
И в сердце твоём истончится весь лед.*

Антониу Карлус Жобим «Воды марта»

Sarah Jio

The Violets of March

Copyright © Sarah Jio, 2011

© Метлицкая И., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

– Ну вот и все, – сказал Джоэл.

Он стоял, прислонившись к косяку входной двери и блуждая взглядом по комнате, словно пытался запомнить во всех подробностях нашу нью-йоркскую двухуровневую квартиру в доме начала прошлого столетия, которую мы купили пять лет назад и отремонтировали. Счастливое было время! Вид жилища впечатлял – изящная арка входа, старинная каминная полка, сокровище, которое мы отыскивали в одном из антикварных магазинов Коннектикута и бережно привезли домой, великолепие стен в столовой. Мы долго не могли решить, какой цвет выбрать, и наконец остановились на кирпично-красном – резковатом и вызывающем смутное томление оттенке, слегка похожем на нашу семейную жизнь. Когда стены покрасили, муж счел их слишком оранжевыми, а мне понравилось.

Наши глаза на секунду встретились. Я быстро опустила взгляд на рулончик скотча, машинально отмотала полоску и торопливо наклеила на последнюю коробку с вещами Джоэла – тем утром он приехал за ними. Вдруг я вспомнила, что в последней, ныне уже запечатанной коробке мелькнул голубой кожаный переплет, и сурово посмотрела на бывшего мужа.

– Погоди-ка, ты взял «Годы милосердия»? Это моя книга!

Я прочитала ее шесть лет назад, во время медового месяца на Таити, однако дело не в том, что мне захотелось сохранить потрепанный томик в память о нашем путешествии. Не знаю, как роман, за который в тысяча девятьсот тридцать первом году покойная Маргарет Эйер Барнс получила Пулитцеровскую премию, оказался в пыльной стопке ничейных книг в вестибюле гостиницы, но когда я достала его из ящика и открыла, мое сердце дрогнуло. Трогательная история о любви, потере, смирении, тайных страстях и бремени подспудных мыслей навсегда изменила мое отношение к собственной писанине. Возможно, именно поэтому я перестала писать. Джоэл так и не прочел этот роман, чему я только радовалась. Он стал для меня слишком личным, чтобы делить его с кем-либо, моим ненаписанным дневником.

Джоэл молча глядел, как я, отодрав скотч, рылась в коробке, пока не нашла старую книгу, потом устало вздохнул.

– Извини, я не знал, что ты...

Он вообще много чего обо мне не знал.

Я кивнула, не выпуская из рук книгу, заново заклеила коробку скотчем и выпрямилась.

– Вот теперь все.

Джоэл настороженно посмотрел на меня, и наши взгляды встретились. Он по-прежнему мой муж, подумала я, по крайней мере, до тех пор, пока мы не подпишем документы о разводе. До чего же больно глядеть в темно-карие глаза и знать, что человек, за которого я вышла замуж, бросает меня

ради другой женщины! И как это нас утратило?

Наше расставание в миллионный раз промелькнуло перед моим мысленным взором, словно сцена из мелодрамы. Все произошло в понедельник, дождливым ноябрьским утром. Я готовила яичницу-болтуню с соусом «табаско», любимое блюдо Джоэла, когда он рассказал мне о Стефани. Как с ней весело. Как она его понимает. Как они совпадают. Я содрогнулась, представив две сцепленные вместе детали от конструктора «Лего». Забавно, вспоминая тот день, я всегда чувствую запах подгорелой яичницы и «табаско». Если бы знала, что так будет пахнуть моя разбитая семейная жизнь, напекла бы блинчиков.

Я еще раз посмотрела Джоэлу в глаза, такие печальные и растерянные. Похоже, если я брошусь ему на шею, он, осознав свою вину, обнимет меня, останется, и наш брак уцелеет. Нет, сказала я себе. Уже ничего не исправить.

– До свидания, Джоэл.

Может, в сердце еще теплилась надежда, но разум был непреклонен: пусть уходит.

– Эмили, я... – с несчастным видом начал Джоэл.

Чего он хочет? Прощения? Еще один шанс? Кто знает. Я собралась с силами и подняла руку, не дав ему продолжить.

– До свидания.

Джоэл мрачно кивнул, пошел к двери, осторожно прикрыл ее за собой и запер снаружи. Мое сердце сжалось. Он все еще заботится... По крайней мере, о моей безопасности.

Я тряхнула головой, подумав, что надо бы сменить замки, и вслушивалась в удаляющиеся шаги Джоэла, пока их не заглушил уличный шум.

Зазвонил телефон, я встала и вдруг поняла, что все это время сидела на полу, увлеченно читая «Годы милосердия». Сколько я так просидела? Минуту? Час?

– Так ты придешь? Ты обещала не подписывать документы о разводе одна! – раздался голос моей лучшей подруги Аннабель.

Плохо понимая, что происходит, я посмотрела на часы, нашарила в сумочке ключи и наводящий ужас конверт из плотной бумаги. Мы с Анни должны были встретиться сорок пять минут назад.

– Прости, уже бегу!

– Отлично, я закажу тебе выпить.

Ресторанчик «Калюмет», где мы любим обедать, всего в четырех кварталах от моего дома, и уже через десять минут Анни меня обняла.

– Есть хочешь? – спросила она, когда мы сели за столик.

– Нет, – вздохнула я.

Аннабель нахмурилась.

– Углеводы, вот что тебе нужно, – изрекла она, протягивая мне корзинку с хлебом. – Так, где документы?

Положив конверт на стол, я уставилась на него опасливым взглядом, приберегаемым обычно для чего-нибудь вроде ди-

намита.

– Ты же понимаешь, что сама во всем виновата, – слегка улыбнулась подруга.

– С чего бы это? – сердито осведомилась я.

– Нельзя выходить за человека по имени Джоэл. – В голосе Аннабель явно слышались неодобрительные нотки. – Встречайся с Джоэлами сколько хочешь, пусть они покупают тебе выпивку и симпатичные мелочи от Тиффани, но никакой свадьбы.

Аннабель пишет диссертацию по социальной антропологии. За два года исследований она изучила браки и разводы с весьма необычной стороны. Согласно ее изысканиям, успешная семейная жизнь зависит исключительно от имени супруга. Выйдешь за Илая, и семейное счастье продлится примерно двенадцать лет с третью. Брэд? Шесть лет и четыре десятых года. Стив не выдержит дольше четырех, и, как искренне убеждена Аннабель, ни в коем случае нельзя вступать в брак с Престоном.

– Напомни, что говорит статистика о Джоэлах?

– Семь целых две десятых, – деловито сообщила подруга.

Я кивнула. Мы с Джоэлом были женаты шесть лет и две недели.

– Тебе нужно найти Трента.

– Терпеть не могу это имя! – недовольно нахмурилась я.

– Ладно, тогда ищи Эдуарда или Билла... нет, лучше Брюса. Эти имена гарантируют долгое супружество.

– Прекрасно, может, сводишь меня в дом престарелых, чтобы определиться с выбором?

Аннабель – высокая, стройная и красивая шатенка в стиле Джулии Робертс: с длинными волнистыми волосами, белой, словно фарфоровой, кожей и выразительными темными глазами. Ей тридцать три, но она ни разу не была замужем. По словам Анни, всему виной джаз – не нашлось ни одного мужчины, кто смог разделить ее любовь к Майлзу Дэвису и Херби Хэнкоку¹.

Аннабель махнула официанту и попросила принести еще два мартини. Официант забрал мой пустой бокал, оставив на конверте мокрое пятно в виде круга.

– Пора, – мягко произнесла подруга.

Дрожащими руками я вытащила из конверта пачку бумаг в полдюйма толщиной. На трех страницах розовели яркие стикеры: мой адвокат отметил, где нужно подписывать. У меня перехватило горло, когда я достала из сумочки ручку и поставила свое имя на всех трех страницах. Эмили Уилсон, с удлинённой буквой «и» и отчетливой «н» – так я подписываюсь еще со школы. Нацарапала дату, 28 февраля 2005 года, день, когда наш брак прекратил существование.

– Хорошая девочка, – похвалила Анни, пододвигая ко мне

¹ Майлз Дэвис (*Miles Davis*), 26.05.1925—28.09.1991, – американский трубач и композитор, оказавший значительное влияние на развитие музыки XX века. Херби Хэнкок (*Herbie Hancock*), род. 12.04.1940, – американский пианист и композитор, обладатель 14 премий «Грэмми», один из крупнейших представителей современного джаза в последние десятилетия XX века.

мартини. – Ну что, напишешь про Джоэла?

Она, как и все остальные мои знакомые, считала, что раз уж я писательница, то лучшей местью Джоэлу был бы роман с завуалированным описанием наших взаимоотношений.

– Закрути вокруг него все действие, только поменяй имя. Назови его, скажем, Джо и сделай полным придурком.

Она хихикнула, чуть не подавившись.

– Нет, придурком с эректильной дисфункцией.

Увы, даже если бы я и захотела отомстить Джоэлу и написать про него роман, ничего бы толком не вышло. В редких случаях, когда мне удавалось выразить свои мысли на бумаге, вся писанина получалась на редкость заурядной. И это чистая правда, потому что последние восемь лет я каждый день садилась за письменный стол и тупо глядела в пустой экран монитора. Иногда я вымучивала хорошую строчку или пару страниц, но дальше дело не шло. Застревала намертво. Мой психотерапевт Бонни назвала это состояние клиническим писательским кризисом. Моя муза заболела, и прогноз выглядел неутешительно.

Восемь лет назад я написала роман-бестселлер. Тогда я была на вершине счастья. Стройная – не то чтобы сейчас я растолстела (ну ладно, может, совсем чуть-чуть, в бедрах)! – и в списке лучших книг по версии «Нью-Йорк таймс». Если бы у этой газеты существовал список лучших жизней, туда бы я тоже попала.

Когда вышла моя книга «Призвание Али Ларсон», агент

убедила меня взяться за продолжение. «Читатели хотят знать, что будет дальше!» – говорила она. А издатель предложил удвоить аванс за вторую книгу. К сожалению, как я ни старалась, ничего не получалось. Мне было нечего сказать. Со временем агент перестала звонить, издатели уже не интересовались, а читатели устали ждать. О том, что прошлая жизнь была не вымыслом, свидетельствовали только чеки на выплату авторских – время от времени я находила их в почте, да письмо от слегка чокнутого читателя по имени Лестер Маккейн, который влюбился в Али, главную героиню моей книги.

Банкет в честь выхода романа устроили в отеле «Мэдисон-парк», и я до сих пор помню то чувство небывалого подъема, когда ко мне подошел Джоэл. Он был на фуршете в соседнем зале и увидел меня в дверях. На мне тогда было потрясающее черное платье-бюстье от Бетси Джонсон, последний крик моды. Я потратила на него кучу денег, но оно того стоило.

Джоэл сразу взял быка за рога и сказал, что я великолепно выгляжу, и только потом представился. Помню, как мне польстили его слова. Я могла бы предположить, что он всегда так знакомится с девушками, и, скорее всего, оказалась бы права, но тогда было очень приятно.

За несколько месяцев до этого журнал «Джи-кью» напечатал на целый разворот список самых завидных женихов Америки – нет, не тот, в котором каждые два года фигуриру-

ет Джордж Клуни, а список, куда входят обыкновенные люди, например, зубной врач из Пенсильвании, учитель из Детройта и, да, юрист из Нью-Йорка, Джоэл. Он попал в первую десятку. И я его подцепила. А теперь вот потеряла.

– Эмили, очнись!

Аннабель махала рукой перед моим лицом. Я вздрогнула, пришла в себя и покачала головой.

– Ой, извини. Нет, только не о Джоэле. – Я сложила бумаги в конверт и сунула в сумку. – Это будет совсем другая история, не похожая на то, что я делала раньше. Если, конечно, я вновь начну писать.

– А как же продолжение последней книги? Ты не закончишь? – недоуменно спросила Аннабель.

– Нет, – ответила я, комкая бумажную салфетку.

– Почему?

Я вздохнула.

– Не могу. Никак не заставлю себя накропать восемьдесят пять тысяч слов посредственного текста, даже за деньги. Даже представив тысячи людей, которые в отпуске читают мою книгу. Нет, если я еще что-нибудь напишу, то совершенно в другом стиле.

Аннабель явно едва сдержалась, чтобы не захлопать в ладоши.

– Похоже, ты нашла выход!

– Ничего подобного.

– Конечно! Давай-ка проанализируем. – Она сжала руки. –

Ты сказала, что хочешь написать совершенно другую историю, но, по-моему, ты считаешь, что не вложила всю душу в последнюю книгу.

Я пожала плечами.

– Ну да, наверное.

Аннабель достала из бокала мартини оливку и сунула в рот.

– А почему бы тебе не написать о том, что тебе действительно интересно? Скажем, о месте или о человеке, которые тебя вдохновляют?

– Все писатели так и делают. По крайней мере, пытаются.

Аннабель отогнала официанта взглядом, в котором читалось: «Все хорошо, нет, счет пока не нужен», и перевела горящий взгляд на меня.

– А ты? То есть ты написала потрясающую книгу, честно, но было ли в ней что-то от тебя самой?

Анни права. Роман получился что надо, бестселлер, над которым можно поплакать. Только почему я не горжусь этой книгой? Не чувствую с ней связи.

– Я знаю тебя много лет и уверена, что сюжет не имеет никакого отношения к твоей жизни.

Ну да. В моей жизни не происходило ничего такого, о чем можно было бы написать. Я подумала о родителях, бабушках, дедушках и покачала головой.

– В этом-то и проблема. У других писателей куча материала для вдохновения – плохие матери, насилие, трудное дет-

ство, а я всегда вела довольно скучную жизнь. Ни тебе смертей, ни травмирующего опыта. Даже питомцы не умирали. Маминому коту Оскару двадцать два года. Мне нечего сказать, я уже об этом думала.

– Ты себя недооцениваешь, – возразила подруга. – Наверняка что-нибудь да есть!

В этот раз я позволила мыслям разбрестись и вдруг вспомнила свою двоюродную бабушку Би, мамину тетю, и ее дом на острове Бейнбридж в штате Вашингтон. Как же я соскучилась! И почему я столько лет ее не навещала? Би уже семьдесят пять, но ведет она себя так, словно ей всего двадцать девять. Детей у нее нет, и потому она всегда любила нас с сестрой как родных внучек. Присылала именинные открытки с хрустящей пятидесятидолларовой купюрой внутри, дарила классные подарки на Рождество, конфеты на День святого Валентина, а когда мы приезжали погостить, совала нам под подушки шоколад потихоньку от мамы, чтобы та не кричала: «Нет, они уже почистили зубы!»

Да, Би – незаурядная личность, даже слегка странная. То она слишком много болтает, то почти все время молчит. Может быть одновременно покладистой и вздорной, щедрой и эгоистичной. А еще у Би есть секреты, и за это я ее люблю.

Моя мать частенько говорит, что когда люди долго живут одни, то перестают замечать собственные чудачества. Не знаю, согласна ли я с этой теорией, возможно, потому, что сама боюсь остаться одинокой. Пока довольствуюсь наблю-

дениями.

Я вдруг представила дом Би на острове и ее саму за кухонным столом. Сколько помню, она всегда ест на завтрак одно и то же: тосты из хлеба на закваске и взбитый мед. Режет золотисто-коричневые ломтики поджаренного хлеба на четыре части, складывает на сложенное вдвое бумажное полотенце, потом мажет каждый квадратик толстым, словно крем на пирожном, слоем масла и добавляет сверху щедрую порцию меда. В детстве я видела это сотни раз, и до сих пор, когда я болею, тосты с маслом и медом для меня лучшее лекарство.

Би не отличается красотой. Она выше большинства мужчин, у нее широкое лицо, массивные плечи и большие зубы. Тем не менее, на старых черно-белых фотографиях двадцатилетняя Би выглядит довольно хорошенькой, как все юные девушки. Когда я была маленькой, мне особенно нравилось одно фото. В украшенной ракушками рамке, оно висело не на самом почетном месте в передней дома моего детства, и чтобы разглядеть его получше, нужно было взобраться на стул-стремянку. Старый, потрепанный снимок хранил изображение незнакомой мне Би. Беззаботная, она сидела в компании друзей на пляжном пледе и соблазнительно улыбалась. Другая девушка что-то шептала ей на ухо. Наверное, делилась секретом. Би сжимала длинную нитку жемчуга на шее и глядела прямо в объектив. Я никогда не видела, чтобы она так смотрела на дядю Билла. Интересно, кто стоял по другую сторону фотокамеры в тот день много лет назад?

– А что она сказала? – спросила я как-то раз у мамы, разглядывая фото.

– Кто кому сказал? – переспросила она, не отрываясь от стирки.

Я показала на девушку рядом с Би.

– Вот эта красивая дама, которая что-то шепчет тете Би на ухо.

Мама выпрямилась, подошла ко мне и протерла стеклянную рамку краем свитера.

– Мы никогда не узнаем, – ответила она с явным сожалением.

Мамин покойный дядя Билл был красавцем и героем Второй мировой войны. Все говорили, что он женился на тете Би исключительно ради денег, но мне не верится. В детстве я гостила у них каждое лето и видела, как он ее целовал или обнимал за талию. Конечно, дядя Билл любил Би. Моя мама, судя по ее разговорам, не одобряла их брак и считала, что Билл мог найти кого-нибудь получше. Би всегда казалась ей слишком странной, слишком неженственной, слишком резкой, в общем, все слишком.

Тем не менее, каждое лето мы приезжали к Би на каникулы, даже после смерти дяди Билла, который умер, когда мне было девять. Би живет в удивительном месте рядом с заливом Пьюджет-Саунд, где над головой кружат чайки, повсюду сады, запах моря и монотонный шум прибоя. Мы с сестрой обожали туда ездить, маме тоже нравилось, хотя она и недо-

любливала Би. Остров умиротворял нас всех.

Аннабель бросила на меня понимающий взгляд.

– Похоже, нашлось что сказать, да?

– Возможно, – уклончиво ответила я.

– Почему бы тебе не съездить куда-нибудь? Отдохнешь, проветришься.

Я сморщила нос.

– Куда?

– Подальше отсюда.

Она была права. Нью-Йорк – ненадежный друг. Этот город любит тех, кто на вершине успеха, и отворачивается от неудачников. Я представила нас с Аннабель на тропическом пляже с коктейлями, украшенными маленькими зонтиками.

– Поедешь со мной?

– Нет, – покачала головой подруга.

– Почему?

Я вдруг почувствовала себя испуганным потерявшимся щенком, который только и ждет, чтобы на него надели ошейник и сказали, что делать и как себя вести.

– Не могу, ты должна справиться сама.

Мне стало неприятно, а она продолжала, не отводя от меня глаз, словно хотела довести до моего сознания каждое слово:

– Эм, твой брак рухнул, а ты не проронила ни одной слезинки.

Возвращаясь домой, я раздумывала над тем, что сказала подруга, и мои мысли вновь вернулись к тете Би. Ну почему я столько лет ее не навещала?

Сверху донесся резкий металлический скрежет, и я подняла голову. На крыше соседнего кафе скрипел на ветру позеленевший от непогоды медный флюгер в виде утки. От знакомого зрелища у меня защемило сердце. Где я его видела? Вдруг меня осенило – картина! Картина Би. Я и забыла о небольшом, пять на семь дюймов, холсте, который она подарила мне, когда я была маленькой. Би тогда много рисовала, и я до сих пор помню, как гордилась тем, что она выбрала меня хранителем картины. Тогда я назвала ее шедевром, и Би улыбнулась.

Закрыв глаза, я отчетливо представила написанный маслом пейзаж: на берегу моря старый коттедж с флюгером-уткой и влюбленная пара держится за руки. Меня охватило острое чувство вины. Где же картина? Помнится, я убрала ее с глаз долой, когда мы переехали, – Джоэл считал, что она не вписывается в интерьер квартиры. Я отдалась от острова, который любила в детстве, и с такой же легкостью распихала по коробкам реликвии из своего прошлого. Зачем? Для чего?

Я ускоряла шаг до тех пор, пока не перешла на бег. Вспомнила о «Годах милосердия». Неужели картина случайно оказалась в коробке с вещами Джоэла? Или еще хуже – я упаковала ее вместе с ненужными книгами и одеждой и отдала бла-

готворительной организации? Добежав до дверей квартиры, я сунула ключ в замочную скважину, потом торопливо поднялась в спальню и открыла стенной шкаф. На верхней полке стояли два ящика. Сняв один, я перебрала его содержимое: плюшевые зверушки из моего детства, коробка со старыми полароидными снимками, несколько тетрадок с вырезками из институтской газеты, где я проработала два года... Картины не было. Во втором ящике обнаружилась тряпичная кукла Растрепка Энн, коробка с записочками от мальчишек, с которыми я дружила в средней школе, и нежно любимый в начальных классах дневник с мультяшной девочкой-земляничкой на обложке. Все.

Как же я умудрилась потерять картину? Вот растяпа! Я встала, в последний раз окинула взглядом шкаф и вдруг заметила в дальнем углу пластиковый пакет. Сердце забилося от предвкушения. В пакете лежала картина, завернутая в розово-голубое пляжное полотенце. Внутри меня что-то дрогнуло, когда я взяла ее в руки. Флюгер. Морской берег. Старый дом. Все, как я запомнила, кроме парочки. Почему-то я всегда считала, что там изображены дядя Билл и Би. Женщина на холсте точно Би, судя по длинным ногам и знакомым светло-голубым брюкам-капри; Би называла их «летними брюками». Только рядом с ней вовсе не дядя Билл. Как это я раньше не заметила? Билл был блондином, а у мужчины на берегу волосы темные, густые и выются. Кто это? Почему Би нарисовала его рядом с собой?

Оставив разбросанные вещи на полу спальни, я спустилась вместе с картиной вниз и отыскала записную книжку. Набрала знакомый номер и глубоко вздохнула, услышав долгие гудки. После второго Би взяла трубку.

– Алло?

Глубокий бархатный голос Би совершенно не изменился.

– Это я, Эмили, – запнувшись, выдавила я. – Прости, что долго не звонила. Дело в том...

– Брось, не извиняйся! Ты получила мою открытку?

– Какую?

– На прошлой неделе я послала тебе открытку, когда узнала, что случилось.

– Так ты знаешь?

Я почти никому не говорила о Джоэле. Даже родителям в Портленде, во всяком случае, пока. Сестре из Лос-Анджелеса, с ее идеальными детьми, заботливым мужем и огородом с органическими овощами. И своему психотерапевту. Тем не менее, меня нисколько не удивило, что новости о моем разводе дошли до Бейнбриджа.

– Да, теперь вот думаю, приедешь ты или нет. – Би помолчала. – Остров исцеляет все печали.

Я провела пальцем по краю картины. Мне вдруг нестерпимо захотелось на остров, в тетину большую и теплую кухню.

– Так когда тебя ждать? – Би не любила лишних слов.

– Завтра не слишком рано?

– Завтра первое марта, лучшее время месяца. Все вокруг

оживает.

Понятно, что она имеет в виду. Серые волны залива. Бу-ро-зеленые водоросли и ракушки. Я как будто вдохнула со-ле-ный морской воздух. Би считает залив Пьюджет-Саунд луч-шим лекарством, так что, когда я приеду, она заставит ме-ня разуться и хоть днем, хоть ночью отправит бродить по мелководью. Даже при шести градусах выше нуля. Впрочем, вряд ли будет теплее.

– Да, вот еще, Эмили.

– Что?

– Надо поговорить.

– О чем?

– Это не телефонный разговор, милая, обсудим, когда ты приедешь.

Я повесила трубку, спустилась к почтовому ящику и об-наружила счет по кредитной карте, каталог белья «Виктория Сикрет», выписанный на имя Джоэла, и большой квадрат-ный конверт. Я узнала обратный адрес и почти сразу вспо-нила, что видела его на документах о разводе. Вообще-то, неделей раньше я искала этот адрес в «Гугле». Новый дом Джоэла на Пятьдесят седьмой улице, в котором он живет вместе со Стефани.

От одной мысли, что Джоэл хочет пообщаться, у меня в крови закипел адреналин. Возможно, бывший муж при-слал письмо или открытку, нет, лучше романтическое пред-ложение начать игру «Найди клад»: пригласил встретиться

в каком-нибудь месте, там отыщется другая подсказка, потом еще одна, а после четвертой я увижу его самого рядом с отелом, где мы познакомились столько лет назад. Джоэл будет держать розу... нет, лучше плакат с надписью: «Прости. Я тебя люблю». Да, точно. Идеальное завершение драматичной истории любви. «Пусть все закончится хорошо, – прошептала я, проведя пальцем по краю конверта. – Джоэл по-прежнему меня любит».

Фантазии разбились вдребезги, когда я открыла послание и уставилась на тисненную золотом открытку. Плотная бумага, изящная вязь букв. Приглашение на свадьбу. Свадьбу Джоэла. В шесть часов вечера. Банкет. Танцы. Празднество любви. Говядина или курица (на выбор гостя). Все приличествующие случаю фразы. Я отправилась на кухню, хладнокровно обошла корзину для бумаг и выкинула раззолоченный кусок картона в помойку, прямо на коробку с заплесневелым рагу по-китайски.

Разбирая остальную почту, я уронила журнал «Нью-Йоркер», а когда подняла, заметила между страниц открытку, на которой был изображен белый с зеленым паром, входящий в Орлиную бухту. Надпись гласила:

«Эмили,

приходит время, и остров зовет к себе. Возвращайся домой, милая, я соскучилась.

С любовью,

Би».

Я прижала открытку к груди и глубоко вздохнула.

Глава 2

Первое марта

Великолепие острова Бейнбридж видно сразу, даже темнота не помеха. Пока паром пересекал Орлиную бухту, я смотрела на галечные берега и крытые дранкой дома, которые отважно цеплялись за склон холма. Залитые оранжевым светом комнаты манили, словно люди в них специально оставили место для гостя, когда собрались вокруг камина выпить вина или горячего какао.

Общество на острове довольно разнородное, и жителям это нравится. Мамаши, разъезжающие на автомобилях «вольво», пока мужа-чиновники работают в Сиэтле, куда ходит паром, художники и поэты, ищущие уединения, горстка знаменитостей. По слухам, Дженнифер Энистон и Брэд Питт до развода владели девятью акрами земли на западном побережье, и все знают, что несколько актеров комедийного сериала «Остров Гиллигана» тоже здешние. В общем, подходящее место, чтобы затеряться.

С севера на юг остров тянется всего лишь на десять миль, но по ощущениям это целый континент. Здесь есть бухты и заливы, гроты и отмели, винодельня, ягодная ферма, ферма

по разведению лам, шестнадцать ресторанов, кафе, где подают домашние булочки с корицей и вкуснейший кофе, а еще рынок, на котором среди всего прочего можно найти местное малиновое вино и свежесобранный мангольд.

Я глубоко вздохнула и посмотрела на свое отражение в иллюминаторе – на меня глядела суровая усталая женщина, нисколько не похожая на девчонку, которая давным-давно впервые приехала на остров. Я поникла, вспомнив, что произошло несколько месяцев назад, когда мы с Джоэлом собрались поужинать с друзьями. Уже в дверях он окинул меня критическим взглядом и спросил: «Эм, ты что, забыла накраситься?»

Ничего я не забыла, вот только зеркало в прихожей отразило бледную тусклую кожу. Высокие скулы, которыми в семье могу похвастаться только я – видно, унаследовала от молочника, как шутит мамуля, – даже они, неоспоримое достоинство, выглядели ужасно. И вся я тоже.

Паром остановился, и я шагнула на трап. В воздухе витал запах моря, отработанного паромного топлива, гниющих моллюсков и хвои; точно так же здесь пахло, когда мне было десять.

– Его бы в бутылки укупоривать, – заметил мужчина сзади.

Выглядел он лет на восемьдесят, если не больше. В коричневом костюме, с очками в толстой оправе, которые болтались на шее, он напоминал профессора, симпатичного и

добродушного, вроде плюшевого мишки. Я не сразу поняла, что он обращается ко мне.

– Воздух, – подмигнув, пояснил он. – Его нужно укупоривать в бутылки.

– Точно, – кивнула я. – Не была здесь лет десять и, похоже, забыла, как мне его не хватало.

– О, так вы нездешняя?

– Нет, приехала на месяц.

– Тогда добро пожаловать. Вы к кому-нибудь в гости или ищите приключений?

– К тете. Ее зовут Би.

Старик ошеломленно уставился на меня.

– Би Ларсон?

Я едва заметно усмехнулась. Можно подумать, на острове есть еще одна Би.

– Да. Вы ее знаете?

– Конечно! – ответил он, словно констатируя общеизвестный факт. – Она моя соседка.

Я улыбнулась. Мы дошли до причала, но машины Би не было видно.

– Когда я вас увидел, мне показалось, что мы где-то встретились, и...

Мы одновременно повернули головы, услышав знакомый стрекот «фольксвагена». Би ездит слишком быстро для своего возраста, вернее, просто слишком быстро. От восьмидесятипятилетней дамы ждешь если не страха перед педалью

газа, то хотя бы уважения, но к Би это не относится. Она притормозила в нескольких дюймах от наших ног.

– Эмили!

Би выбралась из машины и распахнула объятия. На ней были темные джинсы, слегка отвисшие на заду, и бледно-зеленая блузка. Би – единственная женщина в возрасте, которая одевается как двадцатилетняя девушка, вернее, как двадцатилетняя девушка из шестидесятых. Ее блузка пестрела узором «пейсли».

К горлу подкатил ком, когда мы с Би обнялись. Я не заплакала, у меня всего лишь перехватило горло.

– Я как раз говорила с твоим соседом... – начала было я и вдруг поняла, что не знаю его имени.

– Генри, – улыбнулся старик, протягивая руку.

– Приятно познакомиться. А я Эмили. – Мне тоже показалось, что я его где-то видела. – Погодите, мы ведь встречались?

– Вы тогда были еще ребенком.

Он удивленно покачал головой, глядя на Би. Та торопливо прошла мимо него.

– Детка, нужно поскорее отвезти тебя домой. Уже два часа ночи по нью-йоркскому времени.

Несмотря на усталость, я не забыла, что багажник у «жука» находится спереди, и загрузила туда свои вещи. Би завела мотор, я оглянулась помахать на прощанье Генри, но он уже ушел. Странно, что тетя не предложила по-соседски его

подвезти.

– Хорошо, что ты приехала, – сказала Би.

Она прибавила скорость, отъезжая от причала. Ремни безопасности не работали, но какая разница? Здесь, на острове, рядом с Би, мне было хорошо и спокойно.

Я смотрела в окно на усеянное звездами зимнее небо. Извилистый спуск вел к берегу залива, крутые повороты воскрешали в памяти Ломбард-стрит в Сан-Франциско, одну из самых кривых улочек в мире. Ни одна канатная дорога не смогла бы пробраться сквозь лабиринт рощиц, которые расступались, открывая вид на дом Би. Даже если любоваться им каждый день, все равно дух захватывает при взгляде на белый особняк в колониальном стиле с черными ставнями на окнах. Дядя Билл уговаривал Би выкрасить ставни в зеленый цвет, мама предлагала синий, но Би считала, что если уж дом белый, то ставни должны быть черными.

Я не видела ни зарослей цветущей сирени, ни роскошных рододендронов, что сохранились в моей памяти, не могла определить, прилив сейчас или отлив, но даже глубокой ночью остров, казалось, искрился радостью, словно его не коснулось время.

– Вот мы и приехали, – сообщила Би, затормозив так резко, что я вцепилась в сиденье. – Знаешь, что нужно делать?

Я догадывалась.

– Опустит ноги в залив. – Би показала на прибрежную полосу. – Морская вода очень полезна.

– Завтра, – с улыбкой ответила я. – Сейчас мне бы только добраться до дивана.

– Ладно, детка. Я скучала по тебе.

Она заправила мне за ухо выбившуюся прядь волос. Я поймала ее ладонь и крепко сжала.

– Я тоже.

Вытащив из машины багаж, я зашагала вслед за Би по кирпичной дорожке к дому. Би жила там задолго до того, как вышла за дядю Билла. Она училась в колледже, когда ее родители погибли в автокатастрофе, оставив единственной дочери значительное состояние. Би совершила только одну крупную сделку – приобрела огромный особняк с восемью спальнями, который пустовал много лет. Еще с сороковых годов прошлого века местные спорят, какой поступок Би был эксцентричнее: покупка огромного дома или его переустройство изнутри и снаружи. Почти во всех комнатах большие створчатые окна выходят на залив и по ночам скрипят под порывами ветра. Моя мама говорит, что этот дом слишком велик для женщины, у которой нет детей. Думаю, матушка просто завидует – сама она живет в одноэтажном коттедже с тремя спальнями.

Высокая входная дверь заскрипела, когда мы вошли в дом.

– Проходи в комнату, – велела Би. – Сейчас разожгу огонь и принесу выпить.

Она стала укладывать поленья в камин, и мне вдруг поду-

малось, что это я должна за ней ухаживать, а не наоборот. Но я слишком устала, и у меня болели ноги. Все болело.

– Забавно, столько лет живу в Нью-Йорке и ни разу тебя не навестила, – заметила я, покачав головой. – Тоже мне племянница!

– Ты была занята другими делами. К тому же, когда пора возвращаться, судьба найдет способ тебя вернуть.

Я вспомнила надпись на открытке. Если вдуматься в слова, под судьбой Би подразумевала мои жизненные неудачи, но она желала мне добра. Я оглядела гостиную и вздохнула.

– Джоэлу здесь понравилось бы. Жаль, что мне так и не удалось заставить его отложить на время работу и приехать сюда.

– Вот и прекрасно.

– Почему?

– Вряд ли бы мы поладили.

Я улыбнулась. Би терпеть не может притворство, а для Джоэла оно вторая натура.

– Это точно.

Би выпрямилась и ушла на веранду, которую на гавайский манер называла «ланай», к бару с напитками. Почти со всех сторон пространство веранды ограничивали огромные окна, и лишь с одной была сплошная стена, где висела большая картина. Я вспомнила о своей – перед отъездом из Нью-Йорка я сунула ее в чемодан. Надо бы расспросить Би, но торопиться не стоит. Я давно поняла, что в жизни Би много за-

претных тем, и живопись лишь одна из них.

Как-то раз, когда мне было пятнадцать, мы с моей кузиной Рэйчел пробрались в ланаи, открыли заветный шкафчик с темными плетеными дверцами и выпили по четыре стопки рома, пока в другой комнате взрослые играли в карты. Помню, как мне хотелось, чтобы веранда перестала кружиться. С тех пор я больше не пью ром.

Би вернулась с двумя бокалами «Гордон грин» – огуречный сок, смешанный с соком лайма, немного джина, сахарный сироп и щепотка морской соли.

– Ну давай, рассказывай.

Я сделала глоток и подумала, что рассказывать-то и не о чем. Ни одной мысли. В горле снова встал ком. Я открыла рот, чтобы сказать хоть что-нибудь, однако слова не шли, и я устала сидеть на своих коленях. Би понимающе кивнула.

– Все ясно.

Мы сидели молча и глядели на завораживающие языки пламени до тех пор, пока у меня не отяжелели веки.

Второе марта

Не знаю, что разбудило меня утром: то ли волны, которые обрушивались на берег с таким грохотом, что казалось, будто бы море стучится прямо в дверь, то ли аппетитный запах из кухни – пахло блинчиками. Никто уже не ест на завтрак блинчики, по крайней мере, взрослые точно не едят, тем бо-

лее в Нью-Йорке. Возможно, я проснулась от дребезжания мобильного: он трезвонил между диванных подушек. Ночью я так и не дошла до гостевой спальни: свалилась от усталости. Или перенервничала. А может, все вместе.

Откинув одеяло, которым меня заботливо укрыла Би, я заметалась в поисках телефона. Звонила Аннабель.

– Привет! Хочу узнать, как ты добралась. Все в порядке? – весело сказала она.

Честно говоря, порой я искренне завидую Аннабель. Жалею, что не могу, как она, дать волю чувствам и хорошенько выплакаться. Видит бог, мне бы это не помешало.

Сейчас Аннабель на месяц переселилась ко мне – ее соседи сверху решили научиться играть на трубе.

– Кто-нибудь звонил? – с надеждой спросила я.

Конечно, она поняла, кого я имею в виду. Довольно жалко с моей стороны, но мы с Аннабель уже давно не стесняемся выглядеть несчастными друг перед другом.

– К сожалению, нет.

– Ну и ладно. Как ты там?

– Нормально. Сегодня утром встретила в кафе Эвана.

Эван – бывший парень Аннабель, тот, за которого она не вышла, потому что он не любил джаз; впрочем, других причин тоже хватало. Давайте-ка по порядку... Он храпел. И ел гамбургеры – серьезный недостаток, ведь Анни вегетарианка. Да, еще имя. Нельзя выходить замуж за человека по имени Эван.

– Вы говорили?

– Вроде того. – Голос подруги вдруг стал отстраненным, словно она делала два дела одновременно. – Правда, вышло по-дурацки.

– Что он сказал?

– Познакомил меня со своей новой пассией, Вивьен.

Аннабель произнесла имя девушки, как будто это было название заразной болезни вроде чесотки или стафилококковой инфекции.

– А ты, случаем, не ревнуешь, Анни? Вспомни, ведь это ты его бросила.

– И нисколько не жалею.

Так я и поверила!

– Анни, я знаю Эвана. Если ты позвонишь ему прямо сейчас и скажешь, что чувствуешь, он твой. Он до сих пор тебя любит.

В трубке молчали, словно подруга размышляла над моими словами.

– Алло, Анни, ты там?

– Угу. Прости, отвлеклась. Курьер принес посылку, нужно было расписаться. У тебя всегда так много почты?

– Значит, ты ничего не слышала?

– Прости. Что-то важное?

– Нет, – вздохнула я.

Аннабель считает себя неисправимым романтиком, но ни это, ни ее социологические исследования не помешали ей

достичь немислимых высот в умении разрушать отношения, когда дело касается любви.

– Ладно, позвони, если захочешь поболтать, – сказала она.

– Обязательно.

– Я тебя люблю.

– А я тебя. Да, не смей трогать мой увлажняющий крем от Лауры Мерсье! – полушутя-полусерьезно предупредила я.

– Постараюсь, но только если пообещаешь хорошенько выплакаться.

– Договорились.

Выйдя на кухню, я с удивлением обнаружила, что Би там нет и никто не хлопчет. Зато на столе меня ждали блинчики, маленькая стопка ломтиков бекона и банка домашнего малинового варенья. Рядом лежала записка:

«Эмили!

У меня дела в городе, не хотела тебя будить. Оставляю тарелку твоих любимых гречневых блинчиков и бекон (разогрей в микроволновке, сорок пять секунд на максимальном режиме). Вернусь после обеда. Я отнесла твои вещи в комнату в конце коридора, располагайся. Обязательно погуляй после завтрака. Залив сегодня великолепен.

С любовью,

Би».

Я посмотрела в окно. И правда, серо-голубая вода, пест-

рая полоса берега с песчаными и каменистыми участками попеременно – просто дух захватывает! Захотелось побежать туда прямо сейчас и собирать ракушки, переворачивать камни в поисках крабов или сбросить одежду и доплыть до буйка, как когда-то в детстве. Погрузиться в таинственную и прекрасную морскую пучину. На какую-то долю секунды я почувствовала себя живой, но это ощущение сразу исчезло. Я полила блинчики вареньем и принялась за еду.

Кухонный стол выглядел совсем как раньше: желтая клеенка с ананасами, салфетница, украшенная ракушками, кипа журналов. Би читает каждый номер «Нью-Йоркера» от корки до корки, потом вырезает понравившиеся статьи и отправляет мне, предварительно обклеив бумажками с комментариями. Сколько раз я твердила ей, что сама выписываю журнал... Би не переубедишь.

Я засунула тарелку в посудомоечную машину, вышла в коридор и стала открывать все двери подряд, пока не нашла комнату, куда Би отнесла мои сумки. Странно, в детстве я часто навещала Би, но ни разу не заходила в эту комнату, словно ее вообще здесь не было. Впрочем, у Би есть обычное запереть некоторые комнаты, и мы с моей сестрой Даниэль до сих пор не понимаем зачем.

Да уж, эту спальню я бы не забыла. Розовые стены, самый ненавистный для Би цвет. Мебели немного – кровать, комод, тумбочка и большой шкаф. Выглянув в окно, которое выходило на западную сторону залива, я вспомнила, что Би пред-

ложила погулять. Распакую вещи позже, решила я, и отправилась на берег, не в силах сопротивляться его притяжению.

Глава 3

Я не удосужилась переодеться или причесать волосы, что обязательно сделала бы в Нью-Йорке. Натянула джемпер, сунула ноги в темно-зеленые резиновые сапоги, которые нашла в чулане, и вышла на улицу.

Как ни странно, в прогулках по вязкому песку есть нечто целебное; видимо, ощущение хлюпающей под ногами жижи посылает мозгу сигнал, что можно немного расслабиться. Именно это я и сделала тем утром. Даже не отругала себя, когда вновь подумала о Джоэле, перебирая в памяти подробности прошлой жизни, просто наступила на пустой крабий панцирь и раздавила на тысячу кусочков.

Я подняла камешек и изо всех сил кинула в воду. «Черт! Ну почему у нас все так закончилось?» Я подбирала камень за камнем и злобно швыряла в залив до тех пор, пока не устала и не села на выброшенную на берег корягу.

– Если так бросать, камень никогда не отскочит.

Я вздрогнула от неожиданности, услышав мужской голос. Ко мне неторопливо шел Генри. Неужели наблюдал, как я психую? Сколько времени он уже здесь?

– О, привет, – смущенно пробормотала я. – Просто я...

– Пускаете по воде «блинчики», – кивнул он. – Дорогуша, у вас ужасная техника.

Генри подобрал тонкий плоский камешек, поднес к гла-

зам и внимательно изучил со всех сторон.

– Да, этот подойдет. – Он повернулся ко мне. – Держите камень вот так, потом плавно отводите руку и кидаете.

Камешек взлетел над берегом, коснулся воды и шесть раз отскочил от ее поверхности.

– Черт! Теряю форму. Позорище!

– Разве шесть мало?

– Вообще-то, да. Мой личный рекорд четырнадцать.

– Правда? Не может быть.

– Разрази меня гром, если я вру. – Генри перекрестил сердце как одиннадцатилетний мальчишка-скаут. – Когда-то я был чемпионом острова по пусканию блинчиков.

Я не смогла сдержать смех.

– Здесь есть такие соревнования?

– Конечно. А теперь ваша очередь.

Углядев на песке подходящую гальку, я подняла ее и приготовилась к броску.

– Ну, была не была!

Камень шлепнулся в воду и утонул.

– Видите? Я безнадежна.

– Ничего страшного, надо немного потренироваться, и все.

Я улыбнулась. Иссохшее морщинистое лицо Генри напоминало старую книгу в потертом кожаном переплете. Но вот глаза... они рассказали, что где-то под глубокими морщинами скрывается молодой человек.

– Не хотите ли выпить со мной чашечку кофе?

Сверкнув глазами, он показал на белый домик над береговой дамбой.

– С удовольствием.

Мы поднялись по бетонной лестнице к заросшей мхом дорожке из шести каменных плит, что привела нас к дому, под тень двух огромных старых кедров, которые словно стражники стояли у входа. Генри открыл дверь. Ее скрип почти заглушил чаек, когда те снялись с крыши и, неодобрительно крича, полетели к воде.

– Никак не соберусь починить эту дверь, – заметил Генри.

Он разулся на крыльце, я последовала его примеру. В гостиной пылал камин, и щеки сразу покраснелись от тепла.

– Располагайтесь, я пока поставлю кофе.

Я кивнула и подошла поближе к огню. На каминной полке из красного дерева теснились ракушки, блестящие камешки и черно-белые фотографии в незатейливых рамках. Одна привлекла мое внимание. На ней была эффектная блондинка с модной в сороковых годах прической – завитые волосы плотно прилегают к голове. Девушка выглядела как модель или актриса и буквально источала шик и изящество. Морской бриз раздувал ее платье, обрисовывая грудь и тонкую талию. На заднем плане виднелся дом Генри, и я узнала оба кедра, хотя тогда они были намного ниже. Интересно, кто это? Его жена? На сестру не похожа, поза слишком игривая. В одном я не сомневалась – кем бы она ни была, Генри ее

обожал.

Тут появился он сам с двумя большими кружками кофе. Я взяла фотографию, чтобы лучше рассмотреть, и села на диван.

– Какая красавица! Ваша жена?

Похоже, Генри удивился вопросу.

– Нет.

Он вручил мне кружку и задумчиво почесал подбородок – мужчины часто так делают, когда чем-то озадачены. Я торопливо поставила фотографию на место.

– Простите, наверное, я излишне любопытна.

– Нет, что вы, – неожиданно улыбнулся Генри. – Это я веду себя глупо. Прошло шестьдесят с лишним лет, казалось бы, можно говорить о ней свободно.

– О ней?

– Она была моей невестой. Мы хотели пожениться, но... не случилось. – Словно спохватившись, он замолчал. – Наверное, не стоило...

Кто-то постучал, и мы оба посмотрели на дверь. Раздался мужской голос:

– Генри, ты дома?

– А, это Джек, – сообщил Генри таким тоном, словно мы с Джеком знали друг друга.

Из гостиной я видела, как он открыл дверь и поздоровался с молодым человеком примерно моего возраста. Очень высоким, ему даже пришлось слегка наклонить голову при

входе в дом. Одет он был в джинсы, серый шерстяной свитер и, судя по легкой тени щетины на подбородке, не успел побриться или принять душ, хотя утро стояло довольно позднее. Наши глаза встретились.

– Привет, – смущенно произнес незнакомец. – Я Джек.

За меня ответил Генри:

– Эмили. Племянница Би Ларсон.

Джек посмотрел на меня, затем перевел взгляд на Генри.

– Племянница Би?

– Да. Приехала на месяц.

– Добро пожаловать, – улыбнулся Джек, одернув манжет свитера. – Извините, что помешал. Я готовил – и вдруг понял, что дома закончились яйца. Не одолжишь парочку?

– Конечно, – кивнул Генри, направляясь на кухню.

Пока его не было, мы с Джеком вновь встретились взглядами. Я торопливо отвела глаза. Он потер лоб, я теребила молнию джемпера. В комнате повисло молчание, тяжелое и вязкое, как песок на морском берегу.

За окном раздался громкий всплеск, я вздрогнула, задев ногой столик со стопкой книг, отчего стоявшая сверху белая вазочка упала и расколосась. Я ойкнула и беспомощно уставилась на четыре неровных осколка. Мда, я не только разбила одну из бесценных реликвий Генри, но и опозорилась перед Джеком. Что тут скажешь?

– Давайте я помогу спрятать улики, – с улыбкой предложил Джек.

Нет, он определенно мне нравится!

– Я самая неуклюжая женщина в мире, – сказала я, пряча лицо в ладони.

– Замечательно. А я самый неуклюжий мужчина.

Он закатал рукав свитера и показал свежий сине-черный синяк, потом вытащил из кармана полиэтиленовый пакет и аккуратно собрал обломки.

– Позже вместе склеим.

Я ухмыльнулась. Вернулся Генри с картонкой яиц и вручил ее Джеку.

– Извини, пришлось идти к холодильнику в гараже.

– Спасибо, Генри. Я твой должник.

– Останешься?

– Не могу, нужно домой, но все равно спасибо, – ответил Джек, бросив на меня заговорщический взгляд. – Приятно было познакомиться, Эмили.

– Мне тоже, – сказала я, искренне жалея, что он уходит.

Пока Джек брел к берегу, мы с Генри наблюдали за ним из окна.

– Чудак человек, – заметил Генри. – У меня в гостях самая красивая девушка на острове, а он даже на кофе не остался.

Я покраснела.

– Вы мне льстите. Я как встала с постели, так и пошла.

Он подмигнул.

– Никакой лести, чистая правда.

– Вы такой милый!

Весело болтая, мы выпили по второй кружке. Взглянув на часы, я поняла, что прошло почти два часа.

– Пожалуй, мне пора, Генри. Би будет волноваться.

– Да, конечно.

– Еще увидимся на берегу, – сказала я.

– Будете рядом, заходите.

Отлив обнажил полосу берега, выставив напоказ тайную жизнь ее обитателей, и на обратном пути я искала ракушки и подбирала скользкие куски пупырчатых изумрудно-зеленых водорослей, чтобы, как когда-то в детстве, полопать воздушные пузырьки. Заметив особенно яркий камешек, я присела, как вдруг сзади послышался топот чьих-то шагов, явно не человеческих, и громкий крик:

– Расс, ко мне!

Я обернулась. В тот же миг огромный неуклюжий золотистый ретривер налетел на меня с мощью защитника из национальной футбольной лиги, сбил с ног и облизал. Я охнула, вытирая лицо.

– Простите, ради бога! – воскликнул Джек. – Выскочил из задней двери... Надеюсь, вы не сильно испугались? Вообще-то, он безобидный.

– Ничего страшного, – улыбнулась я, отряхивая песок со штанов, потом потрепала пса по голове. – Ты, должно быть, Расс? Приятно познакомиться. А меня зовут Эмили.

Я перевела взгляд на Джека.

– Вот, возвращаюсь к Би.

Джек пристегнул поводок к ошейнику пса.

– Больше никаких фокусов, парень, – сказал он. – Я вас провожу, мы гуляем.

Минуту или две мы шли молча. Мне вполне хватало шороха песка под нашими ботинками. Наконец Джек произнес:

– Так вы живете в Вашингтоне?

– Нет, в Нью-Йорке.

Он кивнул.

– Ни разу там не был.

– Вы шутите? Никогда не были в Нью-Йорке?

– А что мне там делать? – Джек пожал плечами. – Я всю жизнь живу здесь, никогда не хотел уехать.

Я кивнула, глядя на простирающийся перед нами берег.

– Понимаю. На острове начинаешь задумываться, зачем вообще надо было уезжать. Сейчас я совсем не скучаю по Нью-Йорку.

– Так что привело вас сюда в марте?

«Разве я не сказала, что приехала навестить тетю? Помому, вполне достаточно». Мне не хотелось объяснять, что я бегу от своего прошлого, хотя в какой-то мере так оно и было, или что я переосмысливаю будущее, или, боже упаси, что я недавно развелась. Я глубоко вздохнула.

– Собираю материал для следующей книги.

– О, так вы писательница?

– Да.

Я судорожно сглотнула, ненавидя себя за самодовольный

тон. «О чем это я, какой материал?» Обычная история – всегда чувствую себя уязвимой, когда речь заходит о моей писательской карьере.

– Ух ты! А что вы пишете?

Пришлось сказать о «Призвании Али Ларсон», и Джек внезапно остановился.

– Не может быть! По этой книге еще кино сняли, да?

Я кивнула, решив, что пора менять тему.

– А вы чем занимаетесь?

– Я художник. Рисую картины.

От удивления я широко распахнула глаза.

– Ого! Вот бы посмотреть на ваши работы!

В ту же секунду мои щеки запылали от смущения. «До чего же неловко! Неужели я совсем разучилась общаться с мужчинами?»

Джек ничего не ответил, лишь улыбнулся и поддел ногой полузасыпанную песком корягу.

– Впечатляет, да? – спросил он, показывая на груды вынесенного морем мусора. – Похоже, ночью сильно штормило.

Я люблю побережье после шторма. Когда мне было тринадцать, море выбросило на этот самый берег инкассаторскую сумку с тремястами девятнадцатью долларами – я лично пересчитала все банкноты! – и пистолет, который, судя по его виду, долго пробыл в воде. Би вызвала полицейских, и они установили связь между находкой и неудачным ограблением семнадцатилетней давности. Подумать только, семнадцати-

летней!.. Залив Пьюджет-Саунд напоминает машину времени: прячет предметы, а потом, когда сочтет нужным, выплевывает их на берег.

– Так вы всю жизнь живете на этом острове? Наверняка вы знакомы с моей тетей.

Джек кивнул.

– Можно и так сказать.

До дома Би оставалось несколько шагов.

– Хотите зайти? Поздороваетесь с Би.

Он замешкался, словно что-то вспомнил, прищурился и с опаской взглянул на окна.

– Пожалуй, не стоит.

Я закусила губу.

– Ну ладно, тогда как-нибудь увидимся.

Ничего не поделаешь, сказала я себе, направляясь к задней двери. Только вот почему он так смутился? Через пару секунд с берега донесся голос Джека:

– Эмили, подождите!

Я оглянулась.

– Простите, давно не практиковался. – Он убрал с глаз волосы, но непослушная темная прядь тут же упала обратно. – Я подумал, может, вы согласитесь со мной поужинать? В субботу у меня дома, в семь часов?

Потребовалось какое-то время, прежде чем я смогла обратиться с мыслями и ответить.

– С удовольствием.

– До скорой встречи, Эмили! – широко улыбнулся Джек.

Би наблюдала за нами из окна, но когда я вошла в дом, она уже сидела на диване.

– Вижу, ты познакомилась с Джеком, – заметила она, не отводя глаз от кроссворда.

– Да, встретила его у Генри.

– У Генри? – Би подняла взгляд. – А что ты там делала?

Я пожалала плечами.

– Пошла утром гулять и столкнулась с ним на берегу. Он пригласил меня на кофе.

Би, похоже, встревожилась.

– В чем дело? – спросила я.

Положив карандаш, она посмотрела на меня и уклончиво ответила:

– Будь осторожна, особенно с Джеком.

– Почему?

– Люди не всегда такие, какими кажутся, – сказала Би, сунув очки для чтения в голубой бархатный футляр, который лежал на столике у стены.

– Что ты имеешь в виду?

Би пропустила вопрос мимо ушей, как только она одна умеет, и вздохнула.

– Смотри-ка, уже половина первого. Мне пора вздремнуть.

Она плеснула себе в чашку хереса, подмигнула.

– Лучшее лекарство. Увидимся ближе к вечеру, детка.

К гадалке не ходи, между Джеком и Би что-то произошло. Ясно по его лицу и по ее голосу.

Я откинулась на спинку дивана и зевнула. Потом, решив тоже немного поспать, дошла до гостевой спальни и устроилась на огромной кровати, застеленной розовым пуховым одеялом с рюшами. Достала роман, который купила в аэропорту, но, с трудом одолев пару глав, бросила книгу на пол. Я не могу спать в украшениях и потому сняла с запястья часы и положила было в тумбочку, как вдруг заметила в глубине ящика какой-то предмет.

Толстая тетрадь-ежедневник, на вид очень старая. Я вытащила ее, провела пальцем по корешку. Потертый ветхий переплет из красного бархата выглядел интригующе. Я потрогала выцветшую ткань и ощутила слабый укол совести. Вдруг это давнишний дневник Би? Вздвогнув, я аккуратно положила тетрадь обратно в ящик, однако не прошло и нескольких секунд, как достала вновь. Не выдержала соблазна. «Взгляну мельком...»

Хрупкие пожелтевшие листы создавали ощущение нетронутости, которое появляется только со временем. Я внимательно изучила первую страницу в поисках разгадки и нашла ее в правом нижнем углу, где наряду с обычными выходными данными красовалась надпись черным шрифтом: «Рукописная тетрадь». Я вдруг вспомнила, что когда-то читала книгу, персонаж которой жил в начале двадцатого века и писал в такой тетради роман. Интересно, что это: черно-

вик романа или личный дневник? Любопытство пересилило чувство вины, и я зачарованно перевернула страницу. «Посмотрю еще одну и положу дневник на место», – решила я.

Заголовок на следующей странице был выполнен самым красивым почерком из всех, что мне доводилось видеть, и гласил: «История, которая случилась в островном городке в тысяча девятьсот сорок третьем году». Мое сердце учащенно забилося.

Насколько я знаю, Би никогда не претендовала на роль писателя. Может, дядя Билл? Нет, почерк определенно женский. Как эта тетрадь оказалась здесь, в розовой комнате? И почему автор рукописи не поставил на ней свое имя?

Я глубоко вздохнула и перевернула страницу; ничего страшного, если я прочту несколько строчек. Пробежала взглядом по первому абзацу – и не смогла оторваться.

«У меня и в мыслях не было целоваться с Эллиотом. Замужние женщины так себя не ведут, по крайней мере, такие, как я. Это неправильно. Но поднимался прилив, дул пронизывающий ветер, руки Эллиота обвивали меня, словно теплая шаль, ласкали самые запретные уголки моего тела, и я ни о чем не думала. Все было как прежде, хотя я вышла замуж, и обстоятельства изменились. Мое сердце осталось в прошлом, словно застыло в ожидании минуты, когда мы с Эллиотом вернемся в наш приют. Бобби никогда меня так не обнимал. А может, и обнимал, но его прикосновения ни-

когда не будили во мне страсть, не зажигали огонь.

Да, той холодной мартовской ночью я не хотела целоваться с Эллиотом и не предвидела того, что случилось позже и погубило меня, вернее, нас. Тем не менее, именно с марта сорок третьего года берет начало цепь событий, которая навсегда изменила мою жизнь и жизни других людей. Меня зовут Эстер, и это моя история».

Я подняла глаза от рукописи. Эстер? Кто это? Чей-то псевдоним? Выдуманный персонаж?

В дверь постучали, и я инстинктивно спрятала дневник под покрывало.

– Да?

Вошла Би.

– Не могу уснуть, – сказала она, протирая глаза. – Давай лучше съездим на рынок.

– Давай, – ответила я, хотя на самом деле мне хотелось остаться и читать дальше.

– Жду тебя перед домом.

Она пристально смотрела на меня до тех пор, пока я не почувствовала себя неловко, и только потом отвела взгляд. Похоже, у всех жителей острова есть общая тайна, которой они не намерены делиться.

Глава 4

Местный рынок находится всего в полумиле от дома Би. Девчонкой я ходила туда пешком, иногда с сестрой или кузинами, а порой одна, и рвала по дороге душистый клевер, пока не набирался большой круглый букет со сладким запахом меда. Перед походом на рынок мы выпрашивали у взрослых четвертаки и возвращались с карманами, набитыми розовой жевательной резинкой «Базука»². Если у лета есть вкус, то это вкус розовой жвачки.

По извилистой дороге, ведущей в город, мы с Би ехали молча. Прелесть старых «фольксвагенов» в том, что в них необязательно разговаривать. Шумный мотор заполняет неловкую тишину приятным успокаивающим ворчанием.

Би вручила мне список покупок.

– Хочу поговорить с Лианной из булочной. Займись, пожалуйста, этим списком.

– Конечно.

Я знала, что не потеряюсь, хотя последний раз бродила по рынку, когда мне было лет семнадцать. Наверняка лоток с замороженным соком по-прежнему в третьем ряду, а в овощном отделе все еще работает симпатяга-продавец, который вечно закатывает рукава, чтобы похвастаться бицепсами.

² Жевательная резинка с вкладышами-комиксами о Базуке (Bazooka Joe), паренке в синей бейсболке и с черной наклепкой на глазу.

Я изучила список: семга, рис «арборио», порей, водяной кресс, лук-шалот, белое вино, ревень, сливки. Судя по всему, ужин будет – пальчики оближешь! Я решила начать с вина, так как его продавали неподалеку.

Винный отдел местного рынка больше напоминал погреб шикарного ресторана, а не заурядный магазин с ограниченным выбором. Располагался он под лестницей, в тускло освещенном, похожем на пещеру помещении, где пыльные бутылки опасно льнули к стенам.

– Чем могу помочь?

Вздвогнув, я подняла взгляд и увидела, что ко мне направляется молодой человек с приветливой улыбкой. От неожиданности я шагнула назад и чуть не опрокинула стойку с белым вином.

– Ой, простите!

Я успела подхватить бутылку, которая раскачивалась, как кегля для боулинга.

– Ничего страшного. Вы ищете калифорнийское белое или какое-нибудь местное вино?

В магазинчике стоял полумрак, и я сперва не разглядела лицо продавца.

– Вообще-то, мне бы...

Он подошел ближе, потянулся к верхней полке, и у меня отвисла челюсть.

– Господи, Грег, это ты?

Он посмотрел на меня и покачал головой, явно не веря

своим глазам.

– Эмили?

Странное, неловкое, но вместе с тем восхитительное чувство. Мое подростковое увлечение стояло передо мной в фартуке бакалейщика. В последний раз мы виделись много лет назад, но лицо Грега выглядело таким же знакомым, как в тот день, когда я разрешила ему снять мой лифчик от купальника и потрогать грудь. Тогда я не сомневалась, что он меня любит и мы обязательно поженимся. Я была так в этом уверена, что скрепкой нацарапала «Эмили + Грег = любовь» на держателе для бумажных полотенец в женском туалете на местном рынке. А потом лето кончилось, и я уехала домой. Пять месяцев я каждый день проверяла почтовый ящик, однако писем не было. Звонков тоже. Следующим летом я снова приехала к Би, дошла до дома Грега и постучала в дверь. Открыла его младшая сестра, которую я терпеть не могла, и сообщила, что Грег уехал учиться в колледж и у него новая подруга, Лиза.

Грег был по-прежнему хорош собой, хотя теперь он повзрослел и, похоже, повидал виды. Мне вдруг захотелось узнать, как выгляжу я. Побитой жизнью? Я машинально посмотрела на его левую руку. Обручального кольца нет.

– Что ты делаешь в магазине? – спросила я.

Мне даже в голову не пришло, что он здесь работает. Я всегда представляла Грега летчиком или лесничим – кем-то более значимым, более храбрым, в общем, соответствующей

профессии. Продавец в винном отделе? Только не это.

– Работаю.

Грег гордо улыбнулся, показал на значок со своим именем и взъерошил высветленные волосы.

– Как я рад тебя видеть! Сколько же лет прошло? Пятна-дцать?

– Ну да. Нет, погоди, наверное, больше. С ума сойти.

– Отлично выглядишь, – сказал он.

– Спасибо, – смутилась я.

Вцепившись в воротник, я опустила взгляд на ноги. Господи! На мне резиновые сапоги. Обычно представляешь, что случайно встретишься с бывшим, когда на тебе будет стильное коктейльное платье, которое здорово стройнит, – и нате вам, я стою в свалывшемся свитере из чулана Би. Вот неве-зуха!

И все же в компании Грега, по-мальчишески привлекательного, с серо-голубыми глазами цвета бурного моря, у меня сразу улучшилось настроение.

– Каким ветром тебя занесло на остров? – спросил он, облокотившись на стену. – Я думал, ты модная писательница в Нью-Йорке.

– Приехала к Би на месяц.

– Да? Она время от времени заходит на рынок за покупками. Все хотел спросить у нее, как у тебя дела. – Он немного помолчал. – Так и не решился. Струсил.

– Почему?

Грег потер лоб.

– Не знаю. Наверное, потому, что в глубине души нам все еще по шестнадцать. К тому же, ты меня бросила.

Я улыбнулась.

– Нет, это ты уехал учиться в колледж.

Он, казалось, излучал какую-то теплоту и энергию, и мне это нравилось.

– А почему ты приехала именно сюда, после стольких-то лет?

– Сложно объяснить, – вздохнула я.

– А ты попробуй, я пойму.

Я потерла палец, на котором когда-то носила обручальное кольцо.

– Потому что...

Замолчав, я взгляделась в лицо Грега, пытаюсь понять, одобряет он меня или нет. Глупо, конечно, какое мне дело, что подумает человек, с которым я рассталась миллион лет назад, о моем матримониальном статусе? В конце концов, я выдавила:

– Просто я недавно развелась, и мне нужно было уехать из Нью-Йорка.

Грег положил руку на мое плечо.

– Сочувствую, – произнес он так, будто и вправду сочувствовал, и я решила, что повзрослевший Грег нравится мне гораздо больше, чем Грег-подросток.

– Ничего, все нормально, – сказала я, надеясь, что он не

умеет читать мысли.

Он покачал головой.

– Ты совсем не изменилась.

Не зная, что ответить, я поблагодарила за комплимент. Грег говорил те слова, что обычно говорят бывшим возлюбленным, но моя пребывающая в летаргическом сне самооценка воспряла словно от инъекции адреналина. Я нервно пригладила волосы и вспомнила, что надо было подстричься. Еще три месяца назад.

– Ты тоже неплохо выглядишь, – сказала я и, помолчав, спросила: – А как с тобой обошлась жизнь? Как дела на семейном фронте? Повезло больше, чем мне?

Не знаю почему, но мне представлялось, что Грег счастливо женат и живет себе спокойно на острове. Большой дом. Красавица жена. Полдюжины детей, аккуратно рассаженных по автокреслам в темно-синем «шевроле-субурбан».

– Повезло? – Он пожал плечами. – Не особенно. Хотя я не жалею. Главное, со здоровьем порядок.

Я кивнула. Честно говоря, приятно осознавать, что не только у тебя жизнь пошла не так, как хотелось бы.

– Значит, справляешься? А то если тебе нужно выговориться, я бы мог...

Он схватил полотенце, которое висело у него на фартуке, и начал протирать бутылки с красным вином, что стояли на нижней полке. Может, из-за полумрака, а может, из-за большого количества вина я почувствовала себя на удивление хо-

рошо и спокойно.

– Ну да, не могу сказать, что легко. Но я научилась жить одним днем. Сегодня мне хорошо. – Я сглотнула. – А вот вчера...

Грег кивнул, улыбнулся, глядя на меня с явным интересом, потом его лицо просветлело.

– Эй, помнишь, как мы ездили на концерт в Сиэтл?

Казалось, прошло сто лет с тех пор, как я в последний раз вспоминала ту ночь. Вначале мама была против, но волшебница Би убедила ее, что нет ничего плохого в том, чтобы отпустить меня с Грегом послушать «симфонию».

– Мы тогда чуть не остались там на всю ночь, – произнес он. Его глаза притягивали, словно портал в забытые юношеские воспоминания.

– Насколько я помню, ты хотел, чтобы мы переночевали в студенческом общежитии у твоего брата... Мама бы меня убила!

Он пожал плечами.

– Попытка не пытка.

В нем по-прежнему чувствовалось нечто особенное, какая-то искра, которая привлекла меня много лет назад. Повисло неловкое молчание. Грег нарушил его, сменив тему:

– Так ты выбирала вино?

– Да. Би попросила меня купить бутылку белого. Какое посоветуешь?

В вине я совершенно не разбираюсь, стопроцентная иди-

отка. Грег улыбнулся, провел пальцем по стойке и с хирургической точностью вытащил бутылку из середины.

– Попробуй вот это. Одно из моих любимых – местное пино-гриджио из винограда, который выращивают прямо здесь, на острове. Влюбишься с первого глотка.

В магазин зашел еще один покупатель, но прежде чем повернуться к нему и предложить помощь, Грег торопливо спросил:

– Может, поужинаем вместе? Хотя бы раз, пока ты не уехала?

– Конечно.

Я не раздумывала с ответом потому, что если бы стала, то, возможно – нет, точно! – сказала бы нет.

– Отлично! Позвоню на домашний телефон твоей тети.

Улыбка Грега осветила два ряда белоснежных зубов, и я машинально провела языком по своим. Слегка кружилась голова.

Я пошла в овощной за водяным крессом и по дороге наткнулась на Би.

– А, вот ты где! – воскликнула она, махнув мне рукой. – Иди сюда, детка, я тебя кое-с кем познакомлю.

Рядом с Би стояла женщина примерно одного с ней возраста с темными, явно крашенными волосами и темными глазами. Я никогда не видела таких темных глаз. Почти черные, они резко выделялись на бледном лице. Ей было за восемьдесят, но ничто в ее облике не говорило о преклонных

годах.

– Это Эвелин, – с гордостью сказала Би. – Моя любимая подруга.

– Приятно познакомиться.

– Мы с Эвелин тыщу лет знакомы. Подружились еще в начальной школе. Вообще-то, Эмили, ты с ней встречалась в детстве, только, наверное, забыла.

– Извините, не помню. Боюсь, в те годы у меня было одностороннее мышление: купанье в море, мальчишки...

– Как я рада тебя видеть, Эмили!

Эвелин улыбалась мне словно старой приятельнице. В ней было что-то до боли знакомое, только вот что? В отличие от Би, одетой в джинсы и толстовку, Эвелин походила на пожилую манекенщицу. Никаких штанов с завышенной талией или туфель на толстой резиновой подошве. И все же, несмотря на стильное платье с запахом и балетки, она выглядела естественно и буднично, совсем как Би. Неудивительно, что они с ней лучшие подруги. Мне она сразу понравилась.

– Погодите-ка, я вас помню! – неожиданно воскликнула я.

Блеск ее глаз и ослепительная улыбка вдруг перенесли меня обратно в восемьдесят пятый год, в то лето, когда мы с Даниэль гостили у Би только вдвоем. Нам сказали, что родители путешествуют, но позже я узнала, что тем летом они разъехались. Отец ушел от мамы в июле, а к сентябрю они все уладили. Мама похудела на пятнадцать фунтов, а папа отрастил бороду. Казалось, им было неловко общаться друг

с другом. Даниэль рассказала, что у папы есть другая женщина, но я не поверила, а если бы и поверила, то не стала бы его осуждать, ведь он столько лет терпел мамины упреки и скандалы. У папы терпение Махатмы Ганди.

Впрочем, в то время мои мысли занимал не разъезд родителей, а сад Эвелин. Би водила нас туда, когда мы были маленькими, и внезапно все вернулось: волшебный мир гортензий, роз и георгинов, лимонное песочное печенье на террасе Эвелин. Вдруг показалось, что только вчера мы с сестрой сидели на скамеечке под шпалерами, а Би сновала у мольберта, запечатлевая на холсте цветы, которые распустились на роскошных клумбах.

– Сад! Я помню ваш сад, – сказала я.

– Да, – улыбнулась Эвелин.

Я кивнула, слегка удивившись, что спрятанное где-то в мозгу воспоминание всплыло из глубин подсознания именно сейчас. Похоже, это влияние острова. Стоя в овощном магазине, я вспоминала лилейник, изумительное печенье... и вдруг туман рассеялся. Я сидела на облупившейся серой скамье из тика, и на мне были белые поношенные кеды, только не настоящие фирменные кеды, а дешевая подделка с фальшивым синим ярлычком на пятке. Фирменные кеды стоили на одиннадцать долларов дороже, и как же я их хотела! Я клялась маме, что целый месяц буду мыть туалет каждую субботу. Буду пылесосить. Вытирать пыль и даже гладить папины рубашки. Мама лишь покачала головой и вернулась с

парой тапок из дисконтного магазина «Пейлесс». У всех знакомых девочек были настоящие кеды с фирменной синей наклейкой. В общем, я сидела на террасе Эвелин и возилась с оторвавшимся ярлычком. Би показывала скучающей Даниэль сад, когда Эвелин присела рядом со мной.

– Что с тобой, детка?

Я пожала плечами.

– Ничего.

– Расскажи мне, – велела она, ласково сжав мою руку.

– Простите, – вздохнула я, – у вас случайно нет универсального клея?

– Зачем тебе клей?

Я показала на туфлю.

– Мама не купит мне кеды, а ярлычок на пятке отваливается, и ...

Я разрыдалась.

– Ну-ну, детка, успокойся, – сказала Эвелин, достав из кармана платок и вручив мне. – Когда я была в твоём возрасте, одна девочка пришла в школу в изумительных красных туфельках. Они сверкали как рубины. У её отца водились деньги, и она всем рассказывала, что он привез эти туфли из Парижа. Больше всего на свете я мечтала о таких туфлях.

– Вы их получили?

Она покачала головой.

– Нет, и знаешь что? Я бы и сейчас от них не отказалась.

Вот ты попросила клей, но разве тебе не хочется эти, как там они называются?

– Кеды, – выдавила я.

– Ну да, кеды.

Я кивнула.

– Вот и замечательно. Что ты делаешь завтра?

Не веря своим ушам, я уставилась на Эвелин.

– Ничего.

– Значит, договорились. Поедем на пароме в Сиэтл и купим тебе кеды.

– Правда? – пролепетала я.

– Конечно.

Не зная, что сказать, я лишь улыбнулась и оторвала синий ярлычок полностью. Какая разница, ведь завтра у меня будут настоящие кеды!

– Эвелин, я сегодня готовлю праздничный ужин, – сказала Би, заглядывая в тележку с покупками. – Присоединишься?

– О нет, не могу. Вы с Эмили еще не наговорились как следует.

– Будем вам рады, – улыбнулась я.

– Тогда ладно.

– Отлично, – сказала Би. – Приходи часам к шести.

– До вечера, – попрощалась Эвелин, отворачиваясь к картошке.

– Би, ты даже не представляешь, с кем я сейчас встрети-лась! – прошептала я.

– С кем?

– С Грегом. Грегом Эттвудом.

– Твоим бывшим парнем?

Я кивнула.

– По-моему, он пригласил меня на свидание.

Би улыбнулась, как будто все шло по плану. Взяла красную луковицу, внимательно осмотрела и, покачав головой, бросила обратно в кучу. Перебрав несколько штук, Би наконец нашла луковицу, которая ей понравилась, и пробормотала что-то под нос. Не расслышав, я попросила ее повторить, но Би уже отошла в сторону и наполняла сумку пореем. Я бросила взгляд на лестницу в винный отдел и улыбнулась про себя.

В шесть часов Би достала из шкафа три бокала и открыла бутылку вина, которое порекомендовал Грег.

– Зажги, пожалуйста, свечи.

Я пошла за спичками, вспоминая, как проходили ужины в доме Би, когда я была маленькой. Би всегда ставила на стол свечи.

«Достойный ужин следует подавать при свечах», – сказала она нам с сестрой много лет назад.

Я подумала, что это очень элегантно, и, вернувшись домой, попросила маму установить такой же обычай и в нашей семье, но она отказалась.

«Свечи зажигают только на день рождения, – сказала ма-

ма, – а оно бывает раз в году».

– Великолепно, – заметила Би, придирчиво оглядев стол.

Она взяла выбранную Греггом бутылку, внимательно изучила этикетку и одобрительно кивнула. Пока она резала большим мясницким ножом лук-порей, я села за стол.

– Би, я все думаю о Джеке и твоих словах. Что между вами произошло?

Она озадаченно посмотрела на меня, потом вдруг уронила нож и схватилась за руку.

– Черт, порезалась!

Я бросилась к ней.

– Ох, Би, прости!

– Ничего, я сама виновата. Руки старые, не слушаются.

– Давай я порежу, – предложила я и отправила Би за стол.

Она забинтовала палец, а я порезала порей и помешала ризотто, вдыхая соблазнительный аромат, который поднимался из кастрюли.

– Би, я никак не пойму, что...

Услышав у входной двери шаги Эвелин, я замолчала.

– Привет, девочки! – весело сказала она, заходя на кухню.

Эвелин принесла еще одну бутылку вина и букет фиолетовой сирени, бережно завернутый в упаковочную бумагу и перевязанный шпагатом.

– Изумительные цветы, – улыбнулась Би. – Где только ты их раздобыла в это время года?

– У себя в саду, – ответила Эвелин таким тоном, словно

Би спросила, какого цвета небо. – Моя сирень всегда цветет раньше твоей.

В ее словах чувствовался дух приятельского соперничества, которое способна вынести только дружба длиной в шестьдесят с лишним лет. Би смешала коктейль для Эвелин – что-то с бурбоном – и велела нам подождать в гостиной, пока сама она не закончит готовить.

– Твоя тетя – это нечто, – заметила Эвелин, убедившись, что Би нас не слышит.

– Человек-легенда, – улыбнулась я.

– Точно, – кивнула Эвелин.

Лед в ее бокале негромко позвякивал, то ли от того, что она делала это нарочно, то ли от того, что у нее тряслись руки.

– Я хотела ей кое в чем признаться, – сказала Эвелин, поворачиваясь ко мне.

Она говорила обыденно, словно обсуждала покупку машины или поездку на отдых, но в ее глазах блеснули слезы.

– Когда я шла сюда, то думала, вот приду и все расскажу, а потом увидела, как у вас хорошо, и решила не портить такой замечательный вечер.

– О чем это вы? – озадаченно спросила я.

Эвелин помолчала.

– У меня рак. В последней стадии.

Ее тихий голос звучал ровно и без надрыва, так обычно говорят о простуде.

– Мне осталось жить месяц, может, меньше. Я знаю довольно давно, с Рождества, но никак не решусь сказать Би. Наверное, втайне надеюсь, что ей будет легче, если она узнает об этом только после моей смерти.

– Господи, Эвелин!.. – Я взяла ее за руку. – Почему вы считаете, что Би предпочтет не знать о вашей болезни? Она вас любит.

Эвелин вздохнула.

– Да, она бы выбрала правду. Но я не хочу, чтобы нашу дружбу омрачали разговоры о смерти, ведь у нас почти не осталось времени. Лучше буду пить виски, играть в бридж и, как обычно, подтрунивать над Би.

Я кивнула. Не могу сказать, что согласилась с решением Эвелин, но я ее понимала.

– Прости, не стоило грузить тебя своими проблемами.

– А я не против. Честно говоря, надоело говорить только о своих.

Эвелин отпила из бокала и глубоко вздохнула.

– Как бы ты поступила на моем месте? Сказала бы лучшей подруге правду, испортив последние совместные дни, или продолжала бы жить как обычно до самой смерти?

– Я бы призналась, но исключительно из эгоистических побуждений. Мне потребовалась бы дружеская поддержка. Но вы такая сильная! – сказала я, чувствуя комок в горле. – Я восхищаюсь вашей силой.

Эвелин придвинулась ближе.

– Глупости, какая там сила, я переношу боль хуже четырехлетнего ребенка.

Она усмехнулась, а потом прошептала:

– Давай-ка лучше посплетничаем. Что бы ты хотела узнать о своей тете?

В мозгу промелькнуло множество вопросов, однако я остановилась на самой интересной теме: таинственном дневнике, который нашла в тумбочке.

– Ну, есть один секрет, – протянула я и замолчала, пытаюсь определить местонахождение Би. Судя по гроыханию сковородок, она все еще была на кухне.

– Какой же, детка?

– В общем, сегодня в тумбочке я нашла красную бархатную тетрадку, чей-то дневник. Очень старый, датирован сорок третьим годом. Я не удержалась, начала читать первую страницу и не могла оторваться.

На долю секунды мне показалось, что в глазах Эвелин промелькнула тень воспоминания.

– Я все думаю, кто автор дневника? Может, Би? – прошептала я. – Хотя, насколько мне известно, она никогда не занималась писательством. Со мной-то она бы поделилась, учитывая мою профессию.

Эвелин поставила бокал.

– Что там еще было, в этом дневнике? Сколько ты уже прочитала?

– Только первую страницу, но знаю, что главную героиню

зовут Эстер. – Немного помолчав, я продолжила: – Там еще есть Эллиот и ...

Эвелин торопливо закрыла мне рот ладонью.

– Не говори Би. По крайней мере, не сейчас.

Мне вдруг пришло в голову, что дневник мог быть наброском романа, который так и остался ненаписанным. Одному богу известно, сколько черновиков исписала я сама, пока мою книгу не опубликовали. Однако к чему такая анонимность? Непонятно.

– Эвелин, чей это дневник?

Темные круги под глазами Эвелин выделялись резче, чем днем, когда я встретила ее на рынке. Она встала, глубоко вздохнула и взяла с каминной полки засушенную морскую звезду.

– Загадочные создания эти морские звезды, не находишь? Такие хрупкие, ни единой косточки, но в то же время подвижные и цепкие. Яркие. Легко приспосабливаются. Живучие. Ты знаешь, что, если у морской звезды оторвать щупальце, она отрастит новое?

Она положила звезду на место.

– Твоя бабушка обожала морских звезд и море тоже очень любила. – Эвелин усмехнулась про себя. – Она много времени проводила на берегу, собирала обкатанные морем стеклышки и придумывала истории о жизни крабьих семейств под скалами.

– Странно. Мне всегда казалось, что бабушка терпеть не

могла залив. Разве не из-за него они с дедушкой переехали в Ричланд? Вроде как морской воздух не подходил для ее носовых пазух?

– Прости, что-то я увлеклась воспоминаниями. – Эвелин села и повернулась ко мне. – Теперь о дневнике. Похоже, он неспроста попал в твои руки. Прочитай его. Это очень важно, потом поймешь почему.

Я глубоко вздохнула.

– Жаль, что сейчас ничего не понятно.

– Я и так наговорила лишнего. Не мне обсуждать эту историю, но ты должна ее знать. Продолжай читать и найдешь ответы.

На долю секунды лицо Эвелин затуманилось, словно она мысленно вернулась в тот год, когда началась история Эстер и Эллиота.

– А как же Би? Я не смогу читать втайне от нее.

– Нам приходится защищать любимых людей.

Я смущенно покачала головой.

– Не представляю, чем может навредить ей этот дневник.

Эвелин на миг закрыла глаза.

– Давно я не думала о том, что тогда случилось, и, поверь, когда-то эта мрачная история всех нас тяготила. Но время лечит все раны. Честно говоря, я полагала, что эти страницы навсегда исчезли, уничтожены, хотя в глубине души надеялась – в нужный час они появятся.

Она немного помолчала.

– В какой комнате ты поселилась?

Я махнула в сторону коридора.

– В розовой.

Эвелин кивнула.

– Понятно. Продолжай читать дневник. Ты сама поймешь, когда наступит время поговорить с Би. Будь к ней добра.

В комнату вошла Би с дымящимся блюдом.

– Девочки, ужин готов. Еще у меня есть бутылочка местного белого вина, подставляйте бокалы!

Спать я пошла около полуночи – Би и Эвелин рассказывали о своих эскападах, и я увлеклась. Однажды они сбежали с урока французского, чтобы распить бутылку джина с двумя парнями из футбольной команды. В другой раз стащили брюки у весьма симпатичного учителя математики, когда тот купался в пруду. Глядя на их искреннюю, проверенную временем дружбу, я невольно вспомнила Аннабель. Мне не хватало наших ежедневных – частенько по два раза на дню! – бесед, даже ее подначек, порой довольно язвительных.

Взбив подушку, я залезла в постель, но уже через пару секунд рылась в чемодане, разыскивая маленькую картину, которую привезла из Нью-Йорка. Она обнаружилась под свитером. Я достала ее и принялась разглядывать. Двое на холсте смотрелись совершенно естественно; казалось, они созданы друг для друга. В композиции было что-то очень гармоничное: соединенные руки, череда набегающих на берег волн, флюгер под порывами ветра. «Что скажет Би, когда вновь

увидит этот холст?» Он стал окном в дальний уголок ее мира, о котором я почти ничего не знала. Я обернула картину свитером и спрятала в чемодан.

Дневник словно манил меня, и я послушно достала его из тумбочки. Мысли крутились вокруг слов Эвелин, но в основном я думала о тете и о том, какое отношение имеет к ней та давняя история.

«Бобби был хорошим человеком – честным и работающим. В тот не по сезону теплый январский день мы возвращались на пароме из Сиэтла, когда он вручил мне кольцо и предложил выйти за него замуж. Глядя ему в глаза, я сказала просто и ясно – да. Другого ответа и не предполагалось. Глупо было бы отказаться.

Шла война, но Бобби освободили от службы по медицинским показаниям: из-за плохого зрения. Как ни хотел он пойти в армию, его не взяли, даже в очках с такими толстыми стеклами, что, казалось, в них фунтов десять веса. Кто знает, может, если бы он стал солдатом, мы бы не угодили в эту ужасную ситуацию.

В общем, Бобби остался дома и сделал карьеру. Многие жители острова сидели без работы, а у Бобби она была, причем очень хорошая, в Сиэтле. Бобби мог меня обеспечить, а в то время о большем женщины и не мечтали.

Помню, как он выглядел, когда я согласилась стать его женой, – счастливая улыбка, руки в карманах коричневых штанов, которые всегда плохо сидели. Ветер раздувал его

тонкие каштановые волосы, и Бобби, держа меня за руку, казался почти красивым. Почти.

По воле судьбы – или злого случая – на борту парома в тот день был и Эллиот с другой женщиной. Женщины вилась вокруг него как мухи. Ту я запомнила благодаря ее красному платью, плотно облегавшему тело, и белому шелковому шарфу.

Судно уже заходило в док, когда мы с Бобби прошли мимо их мест, хотя эта женщина могла бы обойтись и без отдельного сиденья: она практически висела на шее у Эллиота.

– Бобби, Эстер, привет! – Эллиот помахал нам рукой. – Знакомьтесь, Лила.

Бобби пробормотал что-то вежливое, я просто кивнула.

– Я скажу или ты? – спросил Бобби, поворачиваясь ко мне.

Я сразу поняла, куда он клонит, и невольно спрятала руку в складках платья. Конечно, Бобби купил очень красивое кольцо – простой золотой ободок и восхитительный драгоценный камень в полкарата. Нет, я смутилась из-за того, что было у нас с Эллиотом.

– Мы помолвлены! – выпалил Бобби, прежде чем я успела помешать.

Услышав громкий возглас, многие пассажиры стали оборачиваться, чтобы посмотреть на нас. Я встретила взглядом с Эллиотом и увидела надвигающуюся бурю: волны боли от измены плескались в этих темно-карих, таких

знакомых, глазах. Спустя мгновение он отвернулся, встал и похлопал Бобби по спине.

– Ну надо же! Бобби досталась самая красивая девушка на острове! Поздравляю, дружище.

Бобби просиял, а Эллиот вновь уставился на меня.

Лила кашлянула и нахмурилась.

– То есть как самая красивая?

– Конечно, после моей Лилы, – добавил Эллиот и ласково притянул ее к себе.

Я отвела взгляд. Он не любил Лилу, мы оба это знали, как знали и то, что Эллиот принадлежит мне, а я – ему. Я чувствовала, что наши сердца разрываются от боли, но это ничего не меняло. Я приняла решение и согласилась выйти за Бобби. Через два месяца я должна была стать миссис Бобби Литлтон, хотя любила Эллиота Хартли».

Только через три главы, почти в два часа ночи, я, наконец, закрыла дневник. Эстер на самом деле вышла за Бобби. У них родился ребенок, девочка. Эллиота отправили воевать в южную часть Тихого океана через тринадцать дней после их свадьбы, на которой он из полумрака последнего ряда церковных скамей наблюдал, как Эстер и Бобби клянутся хранить верность друг другу. Эстер думала о нем, пока Бобби надевал на ее палец кольцо, а когда она давала клятву, то посмотрела на Эллиота, и их взгляды встретились. Никто ничего не слышал об Эллиоте с тех пор, как он ушел на фронт,

и Эстер с ребенком в коляске каждый день ходила к мэрии, чтобы проверить, нет ли его имени в списках убитых и раненых.

Я закрыла глаза и подумала о Би. Только человек, который любил и страдал, мог бы так написать.

Глава 5

– Эмили! – позвала Би из коридора.

Дверь со скрипом приоткрылась, и в комнату заглянула Би.

– Ох, прости, детка, не знала, что ты еще спишь. Почти десять. Тебе звонит Грег.

Она улыбалась наполовину ободряющей, наполовину поддразнивающей улыбкой.

– Хорошо, – сонно пробормотала я. – Секундочку.

Я встала, накинула зеленый флисовый халат и отправилась в гостиную, где меня ждала Би.

– Держи, – прошептала она, протягивая мне телефонную трубку. – Похоже, ему не терпится поговорить с тобой.

– Ш-ш-ш!

Еще не хватало, чтобы Грег решил, что я сижу и жду его звонка! И вообще, без утреннего кофе мой уровень терпения застрял на отметке «минус два».

– Алло.

– Привет, Эмили.

– Привет.

От его голоса мне сразу стало теплее. Как от двойного эспрессо.

– Знаешь, я никак не привыкну, что ты на острове, – сказал Грег. – Помнишь, как мы нашли старую тарзанку на пля-

же мистера Адлера?

– О, да, – улыбнулась я, вдруг вспомнив цвет его плавок: зеленые с синей отделкой.

– Ты вначале боялась прыгать, а потом я пообещал, что буду ждать тебя в воде и поймаю.

– Да, но ты забыл упомянуть, что перед этим я плюхнусь животом.

Мы рассмеялись, и я вдруг поняла, что ничего не изменилось и в то же время все поменялось.

– Что ты делаешь сегодня вечером? – спросил он немного смущенно, совсем не так, как Грег Эттвуд, которого я знала летом восемьдесят восьмого. Похоже, он либо подрастерял уверенность, либо научился смирению.

– Ничего особенного.

– Я тут подумал... если захочешь, мы могли бы поужинать в ресторане «Гнездо дрозда». Мой друг открыл его в прошлом году. Ничего особенного по сравнению с нью-йоркскими, но нам, островитянам, нравится. Там потрясающая винная карта.

– Заманчивое предложение, – весело сказала я, чувствуя взгляд Би.

– Отлично. В семь часов? Я могу за тобой заехать.

– Да, буду ждать.

– Замечательно.

– Пока, Грег.

Я повесила трубку и повернулась к Би, которая слушала

весь разговор из-за кухонного стола.

– Ну?

– Что «ну»? – переспросила я.

Би многозначительно посмотрела на меня.

– У нас свидание. Сегодня вечером.

– Умница!

– Даже не знаю. – Я состроила гримасу. – Все как-то странно.

– Глупости, – заметила Би, складывая газету. – У тебя были другие планы на вечер?

– Ты права, – согласилась я, запуская руку в банку с маленькими ракушками, которая стояла на журнальном столике. – Просто сперва Грег, потом Джек... Отвыкла я от внимания.

Услышав имя Джека, Би отвернулась и стала смотреть в окно. Она всегда так делает, когда затрагивают не самые приятные темы, например, если речь заходит о ее покойном муже Билле или о ее картинах.

В конце концов, я нарушила молчание:

– Не хочешь говорить, и не надо. Но если тебе не нравится Джек, то хотя бы скажи почему.

Она покачала головой, запустила пальцы в седые волосы. Мне нравится, что она носит прическу «боб», а не коротко стрижется, как все мои знакомые женщины, которым перевалило за семьдесят. В моей тете все необычно, даже имя. В детстве я как-то спросила, почему ее называли Би, и она от-

ветила, что похожа на пчелу: милая, но с опасным жалом³.

Еще немного помолчав, Би вздохнула.

– Прости, дорогая, – сказала она отстраненным голосом. – Не то чтобы не нравится. Просто тебе нужно быть осторожнее со своим сердцем. Когда-то я очень сильно страдала, и мне бы не хотелось, чтобы с тобой случилось то же самое, особенно после всего, что ты пережила.

Она попала в точку. На острове я спасалась от сердечных переживаний, от которых не скрыться в Нью-Йорке, и не стоило подвергать себя новой опасности. Тем не менее, Аннабель считала, что мне нужно научиться принимать все происходящее как данность, не задавая слишком много вопросов и не пытаюсь редактировать, словно неудачное предложение в тексте. Ладно, в этом марте моя жизнь будет спонтанным письмом, решила я.

– Пообещай, что будешь осторожна, – ласково попросила Би.

– Постараюсь, – ответила я, надеясь, что мне это удастся.

Грег заехал за мной на двадцать минут позже, чем мы договаривались. Я вспомнила все те давние летние месяцы, когда он не приходил к тарзанке или кинотеатру на берегу, хотя обещал. На какой-то миг мне даже захотелось, чтобы он не приехал. Смешно, что я вообще согласилась поужинать со своим школьным ухажером. Я вдруг запаниковала: «Кто

³ Вее – пчела (англ.).

так делает? Что я творю?» Затем на дороге сверкнули огни фар. Грег гнал, как будто пытался наверстать каждую потерянную секунду. Я схватилась за дверную ручку и глубоко вздохнула.

– Приятно провести время! – пожелала Би, помахав рукой.

Я вышла во двор и увидела, как Грег паркует автомобиль – тот самый старый голубой четырехдверный «мерседес», на котором ездил еще в школе. На машине возраст казался сильнее, чем на самом Греге.

– Прости, что опоздал.

Он вышел из машины, нервно сунул руки в карманы, потом вытащил.

– Работы было невпроворот, еще и в самом конце смены. Помогал покупательнице найти вино «Шатонеф-дю-Пап». Она целую вечность не могла решить, какой год выбрать, восемьдесят второй или восемьдесят шестой.

– И на чем остановилась?

– На восемьдесят шестом.

– Хороший год, – сказала я с иронией.

Одно время я встречалась с мужчиной, который относился к выбору вина как к серьезной науке. Он вращал бокал, нюхал и делал первый глоток со словами «превосходный год» или «изумительный букет». Именно поэтому я перестала отвечать на его звонки.

– Ну да, хороший, – кивнул Грег, по-мальчишески улыба-

ьясь. – Год, когда мы встретились.

Господи, неужели он помнит? Я сама почти забыла. Внезапно в моей памяти всплыло все.

Я была плоскогрудой четырнадцатилетней девчонкой со светлыми лохматыми волосами. Грег уже оканчивал школу и выглядел обалденно – загорелый красавчик, в крови которого бурлили гормоны. Он жил через несколько домов от Би. Не могу сказать, что это была любовь с первого взгляда, во всяком случае, для Грега. Но к концу лета я уже красилась, носила лифчики с пуш-ап эффектом, позаимствованные у Рэйчел, моей двоюродной сестры, и Грег впервые обратил на меня внимание.

– Отличный бросок, – заметил он, увидев на берегу, как я кидаю Рэйчел тарелочку «фрисби».

Я так удивилась, что ничего не ответила. Подумать только, со мной заговорил парень! Да еще и симпатичный! Рэйчел уронила «фрисби», подбежала ко мне и ткнула острым локтем в бок.

– Спасибо, – наконец выдавила я.

– Грег, – сказал он, протягивая мне руку.

Странно, что он не обратился к Рэйчел, подумала я.

Мальчишки всегда замечали ее первой, но по какой-то непонятной причине Грег смотрел на меня. Только на меня.

– Меня зовут Эмили, – пропищала я.

– Хочешь зайти ко мне сегодня вечером? – спросил он, придвинувшись ближе.

От него пахло лосьоном для загара. Мое сердце стучало так громко, что я едва расслышала продолжение.

– Придут мои друзья, будем жечь костер.

Я никогда не жгла костер. Мне показалось, что это что-то противозаконное, вроде курения марихуаны, но я все равно согласилась. Я бы пошла за этим парнем куда угодно, даже на незаконное сборище, где употребляют наркотики.

– Отлично, придержу для тебя место, – сказал Грег и подмигнул. – Рядом со мной.

Он вел себя дерзко и самоуверенно, и от этого нравился мне еще больше. Потом он повернулся и пошел к своему чарующе обветшалому дому, а мы с Рэйчел, открыв рты, устались на мускулистую спину.

– Вот придурок! – оскорбленно заявила Рэйчел.

Я ошеломленно молчала. Симпатичный парень только что пригласил меня на свидание! Если бы я могла говорить, то наверняка бы сказала: «Нет, он классный!»

Грег обошел машину и открыл мне дверь.

– Надеюсь, ты голодна, – ухмыльнулся он. – Наверняка ресторан тебе понравится.

Я кивнула и заглянула в салон автомобиля. Смахнула с кресла засохший ломтик жареной картошки и села. Внутри пахло, как когда-то от Грега: пьянящей смесью аромата невымытых волос, машинного масла и одеколona.

Грег дернул рычаг переключения скоростей и случайно задел меня.

– Ой, извини.

Я ничего не ответила, надеясь, что он не заметил, как моя рука покрылась гусиной кожей.

Ресторан находился меньше чем в полумиле от дома Би и, судя по забитой машинами парковке, пользовался популярностью. Грег повел меня по дорожке к вершине крутого холма, где возвышалось строение, похожее на искусно сделанный домик на дереве. Я достала из сумочки две таблетки аспирина и незаметно сунула в рот.

– Правда, здесь уютно? – осматриваясь, спросил Грег.

– Угу.

Меня одолевали сомнения, что я поступила правильно, согласившись на свидание.

Нас провели к столику в западной части ресторана.

– Я подумал, что мы успеем полюбоваться закатом, – с улыбкой заметил Грег.

Когда я в последний раз смотрела на закат? Не помню. А ведь для жителей острова Бейнбридж это самое обычное занятие, о котором ньюйоркцы давно забыли. Я улыбнулась Грегу и выглянула в окно. Тучи слегка разошлись, и сквозь просвет выглядывали два оранжевых солнечных луча. Официантка принесла бутылку выбранного Грегом красного вина и под нашими взглядами наполнила бокалы. Воздух будто слегка искрился от напряжения. Тревожная атмосфера, как выразилась бы Аннабель.

– Что-нибудь еще? – спросила официантка.

– Нет, – торопливо сказала я, одновременно с «все» Грега. Я рассмеялась. Он извинился. Неловко получилось.

– Я имел в виду, что все в порядке, ничего не нужно, – пояснил Грег, теребя воротник.

Мы подняли бокалы.

– Рада, что вернулась, Эмми?

В последний раз Грег назвал меня Эмми в восемьдесят восьмом году. Мне понравилось, как он произнес мое имя.

– Да, – без обиняков ответила я, намазывая булочку толстым слоем масла.

– Удивительно, я и не думал, что мы еще встретимся.

– Знаю, – кивнула я, под действием вина глядя на него чуть дольше, чем следует. – Как там сложилось с Лизой?

– Какой Лизой?

– Девушкой, с которой ты встречался в колледже. Мне сказала твоя сестра.

– Ах, Лиза... на первом курсе все и закончилось.

– Ну, ты бы мог мне позвонить, – попеняла я с полуулыбкой.

– Разве я не звонил?

– Нет.

– Уверен, что звонил.

Я с притворно сердитым видом покачала головой. Грег вымученно улыбнулся.

– Подумать только, если бы я позвонил, может, мы поженились бы и сидели бы сейчас здесь как семейная пара со

стажем.

Он пошутил, но никто из нас не засмеялся. Повисло напряженное молчание. Грег налил еще вина.

– Прости, зря я это сказал, после того, через что ты прошла, – развод и все такое.

Я покачала головой.

– Не нужно извиняться. Честно.

– Вот и ладно. – У Грега явно отлегло от сердца. – Знаешь, сиюю я с тобой и думаю, хорошо бы вернуться в прошлое, чтобы все исправить. И остаться с тобой.

– Это в тебе вино говорит, – улыбнулась я.

– Хочу тебе кое-что показать, – сказал Грег, взглянув на часы после того, как официантка принесла счет. – Еще ведь не слишком поздно? Здесь недалеко.

– Конечно.

Он протянул кредитную карту, я даже возмутиться не успела. Мне стало стыдно. Конечно, я давно ничего не писала, но наверняка зарабатываю куда больше Грега. Впрочем, на острове Бейнбридж это совершенно неважно. Здесь я просто Эмили, племянница Би, и, честно говоря, быть ею мне нравилось гораздо больше, чем писательницей-разведенкой в творческом кризисе.

Мы ехали примерно милю до какого-то парка. Грег остановил машину и повернулся ко мне.

– У тебя есть с собой пальто?

Я покачала головой.

– Только кофта.

– Вот, держи. – Он вручил мне темно-синюю флисовую куртку. – Пригодится.

Я пошла за ним вниз по скалистой тропе, такой крутой, что пришлось схватиться за его руку. Другой он обнял меня за талию, чтобы поддержать, если я потеряю равновесие. Мы шли в темноте, и только у самого берега я увидела на воде лунные блики и услышала, как плещутся волны – нежно и тихо, словно боятся разбудить спящих островитян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.